

КТО ВЗЯЛ
ФАЛЬШИВУЮ
НОТУ?

«МУЗИЧНА

УКРАЇНА»

КТО ВЗЯЛ ФАЛЬШИВУЮ НОТУ?

«Кто взял фальшивую ноту?» — повесть о ребятах, которые, с того не подозревая, обнаружили удивительную ювелирную лавочку. В ней нет ни золотых монет, ни драгоценных камней. Ее богатства нельзя увидеть, потрогать руками, попробовать на зуб, купить, продать, звать, спрятать, запереть. Они никому не принадлежат, хотя каждый может пользоваться ими, независимо от возраста, профессии, цвета кожи, места жительства. Эти необыкновенные сокровища невозможны, истощить, потому что они неметаллические.

Если вы полюбите примеры героев этой книжки, то обязательно сошлитесь со мной.

Автор

Григорий Владимирович Абрин. Кто взял фальшивую ноту?

Киев. «Музычна Україна». 1987. Режиссер Н. И. Кравченко. Художник А. Б. Жуковский. Художественный редактор С. Г. Мамаенко. Технический редактор Н. А. Гальчинская. Корректоры И. В. Краузе, Т. И. Гвилюк.

ИБ 1479

Сдано в набор 03.09.86. Подписано к печати 26.11.86. Формат 60×84^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литейная. Способ печати высокий. Услов.-печ. л. 7,9. Услов. краско-отт. 8,2. Учет.-изд. л. 6,69. Тираж 70 000 экз. Заказ № 331. Цена 30 к. Издательство «Музычна Україна», 252004, Киев, Пушкинская, 32. Белоцерковская книжная фабрика, 256400, г. Белая Церковь, ул. Карла Маркса, 4.

- © «Детская литература», 1971
© «Музычна Україна», 1987, художественное оформление

СТАРАЙТЕСЬ НЕ БИТЬ СТЕКЛА!

Мне всю жизнь не везет. Возьмусь пришивать пуговицу — иголка теряется. А потом оказывается — я на ней сижу. Станем с ребятами кататься на велосипеде, дойдет очередь до меня — обязательно камера лопнет или седло отвалится. Если во дворе драка, то мне всегда достается по физиономии. Даже если я — случайный прохожий.

Ну, о чем говорить? Не везет — и все тут!

Возьмите хотя бы всю эту историю. Началась она с новоселья...

В самом конце августа наш кривой Арбатский переулок улетучился вместе с пылью, поднятой бульдозерами, и мы переехали в десятиэтажный кирпичный дом.

Сразу же за нашим новым домом, вдоль шоссеиной дороги, тянулся огромный пустырь, а на горизонте виднелся синий лес.

Вот на какую окраину нас занесло!

В первый же день мы облюбовали для игр большую, хорошо асфальтированную площадку. Она находилась в коротком широком переулке, между двумя домами — нашим и соседним.

Площадка понравилась всем.

— Лучшего места для футбола не найти, — сказал мой друг Женька Тюнев. — В воскресенье мы проведем здесь главный матч сезона...

На площадку и на пустырь выходило десятка два полуовальных окон первого этажа.

За стеклами не маячили горшки с цветами и не колыхались тюлевые занавески. Подоконники покрывал толстый слой пыли.

Это было огромное пустующее помещение.

Повисая на карнизах, мы заглядывали в окна и гадали: что же здесь будет?

Как-то возвращались мы из школы. Смотрим — комендант нашего дома Уточкин входит в таинственное помещение. И дверь оставляет незапертой.

— Вперед на разведку! — крикнул Женька.

— Всем сразу нельзя, — сказал Васька. — Пусть лучше пойдет...

— Кто? — невольно воскликнул я, предчувствуя недоброе.

— Бросим жребий, — сказал долговязый Костя и подмигнул ребятам. — Кому выпадет, тот и пойдет.

Бросили.

Попался, конечно, я. И ничуть не удивился. Еще тогда, когда начали тянуть, я сразу почувствовал, чем дело кончится. Тяну из Женькиной кепки бумажку и почти наверняка знаю: именно на ней крестик, а не нолик. И даже мысленно говорю: «Чего, дурак, тянешь? Брось и тащи другую!»

Но если бы я бросил эту и взял другую, то именно та, другая, оказалась бы с крестиком. Какой же смысл рисковать?

Делать нечего — я покорно подчинился жребию и скользнул в чуть приоткрытую дверь.

Большой светлый вестибюль, вешалку за барьером, вход в глубину помещения — вот что я увидел там, внутри.

Переведя дыхание, я направился вперед и вдруг услышал чьи-то гулкие шаги.

Уточкин, кто же еще!

Метнувшись в сторону, я юркнул за барьер вешалки.

А Уточкин, не задерживаясь в вестибюле, вышел из помещения и запер его.

Я бросился к окну.

— Лезь в форточку! — крикнул мне Женька. — Лезь, не бойся, никого нет...

Только было я просунул в форточку голову и плечи, слышу опять голос Женьки:

— Стой! Лезь обратно, прячься!

Я глянул по сторонам и на мгновение застыл: на площадку въехала «Волга». За ней вторая, третья...

Вместо того чтобы воспользоваться советом Женьки, я отчаянно рванулся вперед, свалился вниз головой на карниз и, подхваченный ребятами, скатился на асфальт.

Результат был налицо: я сбил себе коленку, локоть и ободрал щеку.

Зато каким-то чудом мой прыжок остался незамеченным.

Из машин вышло человек десять. Среди них выделялся высокий мужчина в очках.

Откуда-то появился Уточкин. Он почтительно встретил приезжих и первый двинулся к помещению, просунул в замочную скважину большой зубастый ключ и гостеприимно распахнул тяжелую дубовую дверь.

Гости пробыли в помещении недолго.

«Волги» развернулись к выезду. Возле одной из машин все с чем-то поздравляли высокого мужчину в очках. А тот лишь улыбался и повторял: «Да, да! Это чудесный подарок детям...»

Перед тем как сесть в машину, он посмотрел на нас и шутливо сказал:

— Главное, старайтесь стекла не бить!

Дверца захлопнулась, и «Волги», пофыркивая двигателями, укатили.

Уточкин закрыл помещение, подкинул на ладони ключ и положил его в карман.

Мы обступили коменданта и выжидающе смотрели ему в рот.

Сначала он насвистывал, словно рядом никого не было. Потом сказал, не на шутку раздражив наше любопытство:

— Для вас оно, для вас! В Моссовете уже подписали данный вопрос. Скоро откроем торжественно, с музыкой!

Когда Уточкин ушел, Костя Костин, который был намного старше нас, сказал:

— Эх вы, суслики! Вас надувают, а вы уши развесили. На вашем месте я бы не задумываясь повыбивал все стекла...

Пятилетний Гриша, который вечно следовал за нами по пятам и вмешивался во все, что бы мы ни делали, схватил осколок кирпича и замахнулся.

— Не смей! — воскликнул Женька и отобрал у Гриши камень. — Давайте лучше представлять, где что будет.

Забыв обо всем на свете, мы устремились к пустующему помещению, завладевшему нашим вниманием.

Кочуя от окна к окну, мы распределяли комнаты по своему усмотрению. Вот здесь будет авиамодельный кружок и судомодельный. Здесь — слесарная мастерская и столярная. Мы даже одну комнату подарили девчонкам. Пусть себе вышивают и танцуют, нам не жалко!

— И буфет пусть будет, с мороженым... — мечтательно произнес толстый Васька.

А какой у нас получался спортивный зал!

— Волейбольную площадку расположим справа, — говорил Женька, заглядывая в очередное пыльное стекло. — В этом проеме установим шведскую стенку. А брусья и коня — слева...

— Коня? Какого коня? Покажите! — закричал Гриша.

Васька поднял Гришу на уровень карниза.

— Ничего нету, — разочарованно протянул Гриша. — Ты, Женька, обманщик...

КУЗЯ-БАРАБАНЩИК

В воскресенье рано утром мы собрались на площадке, чтобы сыграть главный матч сезона. Поставили ворота-кирпичи. Начертили мелом центральный круг и штрафные площадки. Потом разделились на две команды — я с Женькой — против Васьки, Кости и Гриши.

Женька достал из кармана судейский свисток, а я радостно потирал руки: выигрыш был верный — тягаться с Женькой не мог даже длинноногий Костя.

Но главный матч сезона неожиданно сорвался: на площадку с шумом въехал грузовик с широким кузовом. А в кузове — целый оркестр из пионеров и школьников.

Не успели мы и глазом моргнуть, как откуда-то набежал народ. Тут были и взрослые, и дети, и дедушки, и бабушки.

Толпа все росла и росла, словно из земли.

Дирижер жестом остановил оркестр, повернулся лицом к публике, и я невольно воскликнул:

— Смотрите, тот самый высокий, что приезжал сюда!

А дирижер поднял руку, призывая к тишине, и громко сказал:

— Дорогие ребята! Вот и сбылась наша мечта. Мы переехали в новое помещение...

Мы с Женькой переглянулись.

Из дальнейшей речи, доносившейся из грузовика, мы поняли, что какая-то музыкальная школа посягает на помещение, которое мы считали своим.

— Что я вам говорил? — насмешливо спросил Костя.

— Бежим к Уточкину! — воскликнул Женька. — Он же сказал, что в Моссовете вопрос подписали для нас!

Но за Уточкиным и бежать не пришлось. Он был тут как тут. Разнаряженный, словно для праздника. На нас он даже внимания не обратил, хотя мы делали попытки заговорить с ним.

— Принесло откуда-то, — хмуро озираясь вокруг, пробурчал Женька. — Ждали вас!

— Кто это выступает? — спросил я незнакомого мальчишку в синем берете.

— Геннадий Максимилианович.

— Кто, кто?

— Директор нашей школы.

Все пропало! Если раньше еще можно было надеяться на какое-то чудо, то теперь при слове «директор» стало ясно: всем нашим планам — крышка.

Вдруг Женька воскликнул:

— Смотрите, барабанщик!

И я увидел в кузове грузовика щуплого подростка, окруженного набором разных барабанов.

— Вот здорово играет! — вырвалось у меня.

— Это наш Кузя, — сказал тот же мальчишка в берете. — Он еще не то может...

— Подумаешь, — небрежно произнес Женька, отворачиваясь от грузовика. — Чего зря стоять? Давайте лучше запускать ракету.

Никакой ракеты у нас не было. Но если Женьке взбредет что-нибудь в голову, то он ни за что не отступится. Настойчивый он человек, ничего не поделаешь!

Вот и сейчас Женька разыскал в кустарнике кусок водосточной трубы, приладил к ней жестяной наконечник, а в основание втиснул большую консервную банку с несколькими карбидными камушками.

Карбид Женька выменял еще на Арбате, отдав за него четырехцветную шариковую ручку.

Когда ракета была готова, Костя сказал:

— Что же, вы ее собираетесь из рук запускать? Как голубя? Эх вы, неучи! Нужна передвижная ракетная установка!

— Подержи, Федя,— сказал Женька, передавая мне ракету. — Я мигом...

Женька убежал куда-то, а мы смотрели на то, как оркестранты выпрыгнули из кузова грузовика и унесли свои инструменты в помещение. Потом снова появились на площадке и смешались с толпой учеников, окружавших Геннадия Максимилиановича.

Геннадий Максимилианович говорил:

— Занятия не прекращаются ни на один день. Завтра уроки начинаются по старому расписанию. Сегодня мы должны сделать все возможное, чтобы занятия начались нормально...

Вернулся Женька, толкая впереди себя металлическую тележку для перевозок тары.

— У продуктового магазина раздобыл, — пояснил он.

— Влетит, Женька!

— Не успеет. Запустим ракету — откачу обратно.

Видя, что его слушают рассеянно, а кое-кто слишком заинтересован происходящим на площадке, Женька нарочито таинственно сказал:

— Наша ракета — совершенно новый вид оружия на карбидно-водяном топливе. Запуск мы произведем в условиях абсолютной секретности.

— Ш-ш-ш! — произнес Гриша и, сделав круглые глаза, приложил палец к губам.

Мы обступили тележку и принялись устанавливать ракету.

Вдруг около нас оказался Кузя-барabanщик.

— Чего это вы тут затеяли? — довольно бесцеремонно спросил он.

— А тебе-то что? — сердито ответил Женька. — Почему вертись возле запрещенных объектов?

— А вы кто такие, что раскомандовались?

— Послушай, Кузя, — сказал Васька, заслоня своей могучей фигурой ракету. — Шел бы ты к своим барабанам!

— У нас все секретно! — крикнул Гриша на всю площадку. — У нас абсолютно секретное карбидно-водяное топливо! Даже тележка из продуктового магазина!

Кузя фыркнул и удалился.

Увлеченные делом, мы не сразу заметили подошедшего к нам Уточкина.

— Живо уберите свою игрушку и верните тележку на место, — строго сказал он. — Нашли забаву!

Из-за спины Уточкина выглянула ехидная физиономия Кузи-барabanщика:

— Ну что, съели, секретчики-ракетчики?

Осмелев, Кузя вплотную подошел к тележке и что было сил рванул ее на себя.

Ракета скатилась на асфальт. Из нее посыпались серые карбидные камушки.

— Ай-я-яй! — воскликнул Уточкин и подобрал карбид. — Плохое развлечение. Есть еще? Нету? Смотрите у меня!

Уточкин аккуратно завернул в бумажку Женькины сокровища и опустил сверток в карман.

— А теперь немедленно увозите тележку, — сказал он и ушел.

— Ах ты, предатель! — воскликнул Женька и двинулся на Кузю.

Но тот проворно отскочил в сторону и задал такого стрелача, что мы только рты поразевали: Кузя несся с быстротой антилопы.

Остановившись у входа в школу, он крикнул нам:

— Дураки!

И скрылся в помещении.

Женька нехотя потащил тележку к продуктовому магазину, а нам велел не спускать глаз со школы: Кузю, мол, надо подстеречь и всыпать ему как следует!

Оставшись на площадке, мы невольно стали присматриваться к тому, что здесь происходило.

Сейчас площадка напоминала муравейник. Непрерывно сюда подвозилось школьное имущество. Дюжие такелажники носили на широких брезентовых ремнях пианино и рояли. Родители таскали столы, шкафы и классные доски, но не обычные, а с красными нотными линейками.

Ученики музыкальной школы тоже не бездельничали. Они бегали туда-сюда со всяким мелким инвентарем: скамеечками, подставочками, пультами, футлярами, связками книг и нот.

Стекольщик нашего дома дядя Степа установил неподалеку от входа в школу большую металлическую раму на ножках, врытых в землю. К раме он прикрепил застекленный стенд для объявлений. А сейчас прилаживал широкий цинковый козырек, чтобы стенд не заливало дождем.

Поздно вечером площадка опустела. На стене красовалась деревянная рама с черным стеклом, где крупными золотыми буквами было написано:

ДЕТСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

— Кого вы все высматриваете? — спросил у нас Уточкин, запирая школу. — Поздно уже!

Ждать на самом деле было некого. В школе не осталось ни души.

И когда успел улизнуть Кузя-барабанщик?

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В понедельник я встал рано. Отворил окно и, ежась от прохлады, выглянул на улицу. Вижу, ветер гоняет по асфальту желтые листья. Повернул голову к календарю, а там 15 сентября — самая середина месяца.

Делая утреннюю гимнастику, я прислушивался, как мама поет на кухне, и вспоминал события вчерашнего дня.

По дороге в школу я встретил Женьку. Но он ни словом не обмолвился о вчерашнем, будто ничего особенного и не случилось.

После уроков я незаметно улизнул от Женьки и помчался к музыкальной школе — очень уж мне было интересно, что там сейчас происходит.

Чтобы меня случайно не заметили ребята, я подошел к зданию со стороны пустыря. Только ступил за угол — вижу возле одного из окон Костю. Стоит, шею вытянул и не отрываясь смотрит в окно.

Я подкрался сзади:

— Ты чего уставился?

Костя вздрогнул, ничего не ответил и тотчас ушел.

Я тоже заглянул в окно и увидел мальчишку, который играл на контрабасе.

Мне это показалось неинтересным; я стал перебегать от окна к окну и у одного замер, не в силах оторвать глаз.

Я увидел удивительный инструмент. Большой, с изогнутой, словно лебединой, шеей, которая упиралась в резную колонку. Колонку и лебединую шею замыкала золотистая ладья, и все это держалось на небольшой площадке внизу. В общем, это был необыкновенный золотой треугольник, опущенный острием к полу, с одной волнистой стороной и большим количеством медных педалей, таких, как у пианино, только поуже и подлиннее.

Внутри этот треугольник был затянут разноцветными струнами, словно художник взял да заштриховал его, пользуясь различными карандашами.

На этом красивом, большом музыкальном инструменте играла тоненькая девочка с руками-соломинками и длинными гибкими пальцами.

Руки ее скользили вдоль диковинного инструмента с такой легкостью, словно она не играла, а просто поглаживала струны. Девочка быстро и четко передвигала медные педали, то одну, то другую. И делала она это не глядя, как мотоциклист, переключающий скорости.

Для чего они, эти педали?..

Форточка была открыта. До меня доносились звуки инструмента. С каждым движением педали что-то неуловимо менялось, и порой мне казалось, что по ту сторону окна шумит море...

— Подглядываешь? — вдруг послышался голос Женьки.

Я отскочил от окна.

— Поди лучше полюбуйся, какое объявление висит на площадке...

Мы направились туда.

— Смотри, — сказал Женька.

На стенде, установленном вчера дядей Степой, красной тушью по белому ватману было написано:

15 сентября, понедельник

**УЧАСТНИКИ ВЫЕЗДНОГО КОНЦЕРТА
СОБИРАЮТСЯ НА «ПЛОЩАДКЕ ВСТРЕЧ»**

Форма:

МАЛЬЧИКИ — в белых рубашках и темных брюках.

ДЕВОЧКИ — в белых блузках и темных юбках.

Сбор — к 15 ч. 30 м.

Участники хора для спевки должны явиться в 15 ч.

— Видишь, и название придумали: «Площадка встреч»! — сердито сказал Женька. — Ишь, до чего додумались! А мы всем назло будем играть здесь в футбол... Айда за ребятами!

Только мы свернули к пустырю, смотрим: по шоссе навстречу нам катят два красных автобуса.

Поравнялись с нами, головная машина протяжно закрипела тормозами.

— Эй, хлопчики! — крикнул шофер, высунувшись из кабины. — Где у вас расположен храм искусства?

— Вам музыкальную школу? — воскликнули мы в один голос. — Она рядом, за углом!

Автобусы свернули к «Площадке встреч».

Мы бросились следом.

Вскоре на «Площадке» послышался шум и крик: это музыканты штурмом брали автобусы. Замелькали футляры, нотные папки, скамейки, скамеечки и еще какие-то незнакомые нам предметы.

Громко суетилась высокая женщина, которую все называли Татьяной Васильевной.

Она сердилась и покрикивала:

— Скорее, скорее, не копайтесь, ребятки! До концерта осталось не больше часа, а нам еще надо а к у с т и к у попробовать.

Женька, не мигая, смотрел на всю эту кутерьму.

Я не знаю, о чем думал мой друг, но мне определенно хотелось быть сейчас среди тех, кто лез в автобус.

Неожиданно я увидел стекольщика дядю Степу. Он осторожно втаскивал в автобус многострунную диковину, которую я недавно видел в окно.

Резная колонка и лебединая шея инструмента золотом сверкали в лучах солнца.

— Это арфа, — сказал Женька. — Я такую видел по телевизору.

Мне вдруг показалось, что я в театре и передо мной разворачивается действие незнакомой сказки...

Вообще у меня понятие «концерт» связано с каким-то праздничным ощущением. Мама иногда водила меня на свои любимые концерты. Разговоров потом об этом хватало на целую неделю, а то и на две. Мама слушала музыку затаив дыхание. У нее розовели щеки, глаза делались мечтательными, и она становилась такая красивая, что мне порою казалось, что это не моя мама. На всякий случай я прижимался к ее плечу, моментально успокаивался и частенько, пригревшись, засыпал. И мне было так хорошо, что меня не будили даже аплодисменты.

Словом, концерт — это праздник. А сегодня просто понедельник — самый что ни на есть будничный день. По двору бродит комендант Уточкин и ищет, к чему бы придраться. Водопроводчики роют яму. Папа на работе, мама

сидит за диссертацией. А тут — веселая суета, красные автобусы, золотая арфа, парадная форма.

— Вот люди, — сказал я. — Акустику какую-то едут пробовать...

Вдруг Женька толкнул меня в бок.

— Гляди!

Возле автобуса среди остальных ребят толкался Кузя-барабанщик с неизменными палочками в руках.

— Ну, сейчас мы зададим ему жару! — произнес Женька, потирая руки.

— Может, когда-нибудь потом? — неуверенно спросил я.

— Нет, дудки! — решительно ответил Женька. — Именно сейчас мы ему покажем, где раки зимуют!

Я невольно попятился назад.

— Слушай, Женька, только я тебе не помощник... Тебе-то хорошо, тебе всегда везет. А меня... а меня опять притянут к ответу... Нет уж...

Я говорил Женьке о том, что не хочу страдать из-за него, совсем забыв, что Женька собирается отомстить за обиду, нанесенную всем, в том числе и мне. Я говорил своему другу, что я не козел отпущения, хватит с меня всяких неприятностей. На что Женька ответил, что я не козел, а трусливый барашек. И он съездит мне по шее, если я не перестану ныть и действовать ему на нервы.

Я понял: Женька не отступит. Он сейчас напоминал охотника, который совсем недавно любовался красотой леса и вдруг увидел зайца. И все для него пропало — и лес, и красота. Остался лишь заяц, которого нельзя упустить.

Но Кузя не был зайцем. И к тому же мы находились не в лесу, а в новом микрорайоне.

Женька остановил какого-то мальчугана. Тот шагал в сторону школы.

— Слушай, — сказал ему Женька. — Позови сюда во-о-он того, с барабанными палочками.

— Куда позвать?

— Сюда. Скажи: тебя, мол, брат спрашивает. На минутку. А я побуду здесь.

Пока мальчуган шел на «Площадку встреч» звать Кузю, мы с Женькой чуть не поссорились.

— Ну, давай уходи. Чего ты ждешь? — сказал он мне.

— Нет, Жень, я никуда не пойду. Я тоже буду драться.

— Тоже мне боец нашелся! Толку от тебя...

В общем, Женька был прав. Толку от меня было мало. Я не люблю драться, а если говорить начистоту, то просто не умею. Но ведь стыдно оставлять товарища!

— Знаешь, — сказал я Женьке, — я отойду в сторонку. А если понадобится, в один миг примчусь. Договорились?

— Ладно, — не глядя на меня, согласился Женька.

И вот я вижу, как мальчуган, показывая на угол, что-то говорит Кузе. Тот, пожав плечами, сначала топчется на месте, а потом медленно и нерешительно направляется к Женьке, которого, конечно, не видит.

Не успел Кузя зайти за угол дома, как Женька ринулся ему наперерез и дал подножку. Кузя выронил из рук барабанные палочки и едва не растянулся на асфальте. А Женька, пользуясь замешательством противника, в один миг повалил его на землю.

Тут уж я выскочил из своего укрытия, снял очки, зажал их в правом кулаке и принялся бегать вокруг дерущихся. Я скакал возле них и все никак не мог выбрать подходящий момент, чтобы треснуть Кузю.

Наконец я изловчился и что было сил стукнул. Но тут же услышал сердитый Женькин возглас:

— Меня-то чего бьешь?

Мой удар оказался поворотным моментом в драке. Кузя рванулся, вскочил на ноги и завопил на всю улицу:

— Татьяна Васильевна-а-а!

Женька успел дать ему хорошего пинка. И для верности съездил разочек по башке.

После этого мы, подобрав Кузины барабанные палочки, спрятались в ближайшем подъезде.

— Ловко ты его! — виновато сказал я, помогая Женьке отряхнуться. — А тебе почти и не влетело. Вот только маленькая царапина на лбу.

— Твоя работа, — недовольно сказал Женька. — Не умеешь драться — не лезь...

Мимо нас проплыли красные автобусы.

В окне одного из них мелькнула заплаканная физиономия Кузи-барабанщика с огромным синяком под глазом...

ЖЕНЬКА СПАСАЕТ ОТВЕТСТВЕННЫЙ КОНЦЕРТ

Как только исчезли автобусы, со стороны соседнего дома показался мальчишка. Он стремительно бежал к музыкальной школе. На нем парусом раздувалась белая шелковая рубашка.

Мальчишка дважды обежал «Площадку встреч».

— Уехали? — воскликнул он, не обращая на нас внимания. — Уехали без меня?

«Опоздал на автобус», — посочувствовал я.

В руках у мальчишки был скрипичный футляр. Он опустил его на землю, уселся рядом и уткнул лицо в ладони.

Нам стало как-то не по себе.

Женька склонился к футляру, на котором белела узкая наклейка с именем владельца: «Петя Люлькин».

А Петя Люлькин вдруг поднялся и, ни слова не говоря, поплелся прочь.

Мы бросились вдогонку.

— Может быть, обойдутся без тебя? — спросил Женька. — Чего ты переживаешь!

— Это невозможно. Мы — к в а р т е т. Я играю первую скрипку.

— Неужели такой важный концерт?

— В Кремлевском театре...

— В Кремлевском? — переспросил Женька. — Наверное, ответственный?

Мы с невольным уважением посмотрели на Петю. Шутка ли сказать: ответственный концерт из-за него проводится!

— Сейчас что-нибудь придумаю, — сказал Женька.

— Что ты можешь придумать? — произнес Петя. В голосе его была полная безнадежность. — Я и дороги туда не знаю...

Может быть, Петя Люлькин был хорошим скрипачом. Может быть, он был даже очень хорошим скрипачом. Но он не знал нашего Женьку. Он не знал, что стоит тому на минуту прищурить глаза, а там уже и беспокоиться нечего.

Женька на самом деле прищурил глаза, поднял подбородок кверху и затем посмотрел на нас, словно факир перед сотворением чуда. Было ясно, что он придумал, по меньшей мере, десять способов спасения концерта, а сейчас выбирает из них самый подходящий.

— Айда на трассу! — наконец воскликнул он.

Мы побежали на улицу.

Женька бросился к стоянке такси.

Машин было много. Шоферы собрались у головной и о чем-то оживленно спорили.

— Выручайте! — крикнул им Женька. — Ответственный концерт проваливается!

Он в двух словах объяснил, в чем дело.

Самый молодой шофер в черной кожанке весело оскалил зубы.

— Артисты, значит? — спросил он и подмигнул остальным. — А почему, спрашивается, я вам должен верить? Изобразите что-нибудь, тогда подумаем. Что у тебя в футляре? Балалайка?

Петя отступил на шаг и прижал скрипку к груди.

Вдруг в разговор вмешался пожилой шофер в форменной фуражке.

— Ты, Говоров, брось балабонить! — сердито сказал он. — Видишь, людям не до шуток.

Он обратился к Пете:

— Ну, растяпа, говори: далеко ехать?

— На Красную площадь, в Кремлевский театр.

— Далековато... — вздохнул шофер.

Он внимательно оглядел нас и залумчиво добавил:

— Все равно моя машина в хвосте... Я так или иначе хотел в центр перебираться...

Мы затаили дыхание.

— Ладно, садитесь, — наконец сказал шофер. — Только схоронитесь так, чтобы вас никто не видел: я с зеленым огоньком поеду.

— По машинам! — заорал Женька и под общий смех кинулся к такси.

Машина шла на большой скорости.

— Вó дает! — восхищался Женька. — Говорил тебе, с нами не пропадешь!

Мы сидели сзади, на полу, скрючившись в три погибели. Рядом с Женькой на корточках примостился Петя. Он все боялся сломать скрипку. Меня вообще приперли к полу, да так, что дохнуть было невозможно.

— Вам к каким воротам? — спросил водитель.

— К Спасским, — ответил Петя.

Машина круто повернула, потом резко затормозила, и дверца распахнулась.

— Выходи, артисты, прибыли!

— Спасибо вам, дяденька!

— Есть за что! — весело ответил шофер. — Бегите, а то опоздаете.

— Может, хотите на концерт? — спросил Петя. — Я вам билет дам.

И Петя вытащил из кармана целую пачку пригласительных билетов.

— Как-нибудь в другой раз с удовольствием, — ответил шофер. — А сейчас не могу — работа!

— Ну, возьмите на память.

— На память можно...

Он сел в машину и укатил. А мы вприпрыжку побежали через Спасские ворота прямо к театру.

Не помню, как мы втроем оказались в артистической. Это случилось в тот самый момент, когда к выходу на сцену готовили квартет и все бегали и искали Петю.

И тут мы увидели Кузю-барабанщика. На нем была чистая рубашка, явно с чужого плеча. Синяк под глазом тщательно припудрен.

Нас моментально вынесло из артистической.

— Хорошо, что он нас не заметил, — сказал я, еле переводя дыхание. — Вот было бы шуму!

— У тебя уже и душа в пятки ушла?

— Так ведь и ты задал стрекача!

— Ладно, ну его, Кузю! Пошли в зал. Послушаем, как они там квартет играют...

КВАРТЕТ И БАРАБАННЫЕ ПАЛОЧКИ

Мы с Женькой пробрались в зал и почувствовали себя здесь в полной безопасности. Зал был битком набит, и мы с трудом разыскали себе места.

Как раз объявили выступление Петиного квартета.

Я старательно слушал, но мне, откровенно говоря, не очень все это нравилось.

Женька тоже весь извертелся и наконец стал приставать ко мне:

— А что такое квартет?

Справа от Женьки сидел довольно взрослый парень и внимательно слушал. Сразу было видно, что квартет ему нравится. Иначе чего ради он уставился на сцену и почти не дышит?

Мне даже стало обидно: рядом сидит человек, которому музыка доставляет удовольствие, а ты хлопаешь ушами и ничего не понимаешь. словно уши тебе залепили пластилином.

Я тоже решил внимательно послушать. Может быть, и я найду что-нибудь интересное в Петиним квартете?

Но разве Женька даст послушать по-человечески? Он стал дергать своего соседа за рукав. Тот склонился к Женьке.

— Что такое квартет? — шепнул Женька.

— Ансамбль из четырех музыкантов.

— А если бы их было пять, тогда как бы они назывались?

— Квнтет... А вообще оставь меня в покое и не мешай! В это время Петин квартет перестал играть, и все стали аплодировать.

Мы хлопали громче и дольше всех. Особенно Женька. Когда в зале стихло, Женька щелкал ладонями один. Парень покосился на него:

— Что, очень понравилось?

— Еще бы! — ответил Женька. — Там играл мой знакомый — Петька Люлькин. Я его на такси привез!

— Да ты, я вижу, тонкий ценитель музыки, — насмешливо сказал парень и отвернулся.

Я бы на Женькином месте обиделся. Женька на своем месте, видимо, тоже собирался обидеться. Но в этот момент на сцену вынесли стол, покрытый деревянными пластинками разной величины. Под столом висели, словно сталактиты, металлические стаканчики, тоже разной величины.

Таинственный стол сразу завладел нашим вниманием.

— Это для фокусника-иллюзиониста? — спросил Женька соседа.

— Сам ты фокусник! Это концертный ксилофон...

И вдруг на сцену вылез Кузя! Собственной персоной! Женька чуть не задохнулся от злости. У него, по-моему, зачесались руки. Он сунул два пальца в рот, как бы собираясь свистнуть. Но не решился.

Я бы тоже не решился. Попробуй-ка тут свистни! Тебе так свистнут, что на веки вечные разучишься свистеть.

В следующую минуту я перестал думать про Женьку, потому что ужасно удивился. Смотрю — и не верю ни своим глазам, ни своим ушам.

Покосился на Женьку, а он тоже сидит разинув рот. А не разинуть рот было просто невозможно, до того здорово Кузя играл на ксилофоне!

Кузины палочки с непостижимой быстротой мелькали над инструментом, и от плоского стола с металлическими стаканчиками отскакивали звуки, похожие на искры.

«Хорошо, что Женька не отнял у Кузи ксилофонных палочек!» — подумал я.

А позади нас кто-то тихо произнес:

— Талантливый мальчик. Вы послушайте, какая техника, какая легкость, какие нюансы!

«Ай да Кузя! Вот так Кузя!» — подумал я.

Вдруг Женька встrepенулся и толкнул локтем соседа:

— А оркестр будет выступать?

Парень молча кивнул.

Женька обеспокоенно спросил его:

— А без барабана оркестр может обойтись?

— Не может.

— А барабанщик без палочек может обойтись?

Женькин сосед вышел из терпения.

— Между прочим, — сердито сказал он, — этот концерт может оспокойно обойтись без такого слушателя. За-молчи, или я тебя вытряхну отсюда.

Но Женька сам неожиданно покинул свое место и стал пробираться по ряду.

На него зашикали.

Меня тоже потянуло за Женькой.

На меня тоже зашикали и даже раза два хорошенько толкнули — из-за того, что я всем наступал на ноги.

Когда мы наконец выбрались в фойе, я спросил:

— Ты куда, Жень?

Не отвечая, Женька устремился к артистической. Он остановил первую попавшуюся девочку и спросил ее:

— Ты Кузю знаешь?

— Кузю? Никакого Кузи у нас нет.

— Ну, такой... барабанщик... Ябеда жуткий!

— А-а! — воскликнула девочка. — Ты про Сметанкина?

— Сметанкин! — фыркнул Женька. — Передай вашему Сметанкину эти палочки. Передашь?

— Ой мальчики, мне некогда! Сами передайте!

— Да что тебе, жалко, что ли, в самом деле? Выступление же оркестра сорвется!

— Так сразу бы и сказали... Давай скорей палочки...

После этого мы с Женькой вернулись в зал.

Парень, увидев нас, замахал руками, видимо, хотел сказать: «Не смейте и близко подходить ко мне!» И даже угрозил кулаком.

Пока мы шмыгали по проходу в поисках места, на сцену вышел мальчик-баянист.

Вдруг Женька остановился как вкопанный:

— Смотри!

ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛОМ

Я посмотрел туда, куда мне показывал Женька, и увидел генерала в полной парадной форме, с двумя звездочками Героя Советского Союза.

Ноги сами понесли нас по тому ряду, в котором сидел генерал. А он, чуть повернув крупное ухо к сцене, слушал мальчика-баяниста. Лицо его было неподвижным, жестким, словно из гранита, а глаза были спокойные и добрые.

Мы смотрели на него не отрываясь, забыв, что стоим в проходе, что на нас обращают внимание.

Вдруг генерал повернул к нам голову. Несколько секунд молча рассматривал нас, а потом поманил пальцем: «Что, мол, стоите, тут же есть свободные места!»

В одно мгновение мы очутились возле генерала. При чем Женька оказался проворней меня и занял место рядом, а мне пришлось сесть подальше.

Когда мальчик-баянист раскланялся и ушел, а на сцене начали расставлять пульта для оркестра, генерал повернулся к нам.

Его взгляд задержался на царапине, которая красовалась на Женькином лбу.

Глаза генерала повеселели, и он положил Женьке на плечо свою тяжелую руку.

Женька засиял, а я от зависти чуть не лопнул. Как всегда, мне не повезло. И почему только рядом с генералом очутился именно Женька?

Глядя на сцену, генерал сказал:

— Всю жизнь страдаю, что ни на чем не умею играть.— И неожиданно спросил нас: — А вы? Играете?

Женька отрицательно замотал головой и покраснел.

«Эх, — подумал я, — если бы мне на чем-нибудь играть! Может, генерал положил бы и мне руку на плечо и сказал: «Молодец, Федя! Зачислю тебя в свою армию. Играй — очень уж я скучаю без музыки!»

Мы с Женькой молчали.

А на сцене тем временем появился директор музыкальной школы. Тот самый высокий человек в очках, который говорил с грузовика на «Площадке встреч».

Теперь он выглядел иначе. Одетый во все черное, с белым галстуком бабочкой, он быстро вышел на сцену и вежливо поклонился публике.

— Это дирижер, — сказал Женька.

— Совершенно верно, — последовал веселый ответ генерала, — он мой коллега, генерал музыкального войска.

Между тем из глубины оркестра послышался протяжный звук, словно пастух затянул песню, но, забыв продолжение, тянет задумчиво первый звук.

К нему присоединилась одна скрипка, другая — это я хорошо слышал и видел. Заиграли слева, справа. Вступили чьи-то низкие голоса. Расталкивая остальных, загудели басы, и весь зал наполнился веселым гомоном, словно мы попали на птичью ярмарку.

Вдруг все оборвалось по знаку дирижерской палочки, словно она была волшебная.

Некоторое время длилась пауза. Потом со сцены послышался шорох. Точь-в-точь такой, какой поднимает ветер, подметающий осенний лес.

Я замер и готов был поклясться, что в зале повеяло опавшими листьями.

Постепенно шорох перерос в могучий ветер. Он все нарастал, нарастал, словно над невидимым лесом пронеслась настоящая буря.

Что-то бабахнуло, словно прогремел гром, и опять стало тихо-тихо...

Дирижер замер, его вытянутые руки застыли. Со стороны казалось, будто он держит в руках хрупкую вазу, до краев наполненную водой.

Потом он стал плавно раскачиваться, и в зале закружились звуки вальса.

Женька сидел, уставившись на сцену, словно замороженный. Глаза его горели, а руки сами собой делали движения в такт музыке.

А когда оркестр замолк, раздались такие аплодисменты, что мне показалось, будто закачались стены и затрещал потолок. Ничего подобного я раньше не слышал.

Генерал поднялся и хлопал в ладоши стоя. Повскакивали с мест и мы. Впрочем, на ногах был весь зал.

Долго не смолкали аплодисменты. Дирижер несколько раз выходил и кланялся. Но каждый раз он поднимал на ноги оркестр и показывал на него: «Мол, я тут ни при чем. Вот кто доставил вам удовольствие!»

А оркестранты тоже не стояли без дела. Они легонечко постукивали смычками по обратной стороне скрипок, виолончелей и контрабасов. Может быть, они благодарили публику за внимание? А может быть, приветствовали своего командира — генерала музыкального войска?

Наконец все стихло. Мы уселись на свои места.

— Хорошо, ребята, не правда ли? — спросил генерал.

— Хорошо! — ответили мы в один голос. — Просто замечательно!

— У меня внук играет в этом оркестре! — с гордостью сказал генерал. — Он сейчас придет сюда. Я вас обязательно познакомлю.

Мы с Женькой переглянулись: вот здорово! И нам захотелось поскорее увидеть генеральского внука.

«Может быть, — размечтался я, — мы подружмся с этим внуком и как-нибудь втроем пойдем в гости к его дедушке-генералу? И тот расскажет нам про войну и про свои подвиги. Может быть, я даже научусь драться...»

Неожиданно мои мечты оборвались. Кто-то дернул меня за рукав. Смотрю — девочка, которую Женька просил передать Кузе барабанные палочки.

— Тебе чего? — спросил я.

— Ой мальчики! — зашептала она мне на ухо. — Вас

ищет Татьяна Васильевна. И Сметанкин с ней. Уходите поскорее!

Я с перепугу даже спасибо ей не сказал. Да она и не стала ждать — убежала.

Я склонился к Женьке и сказал ему:

— Айда отсюда! Быстрее, а то поздно будет.

Когда мы очутились на улице, я все объяснил Женьке. Женька в сердцах топнул ногой:

— Эх, так и не познакомились с внуком генерала. Вот обида... Может, Федя, мы напрасно убежали?

— Совсем не напрасно. Это даже здорово, что мы вовремя смылись. Разве забыл, какой синяк ты посадил Кузе под глазом? Да еще рубашку изорвал! Представляешь, как нас опозорили бы перед генералом!

— Ну, Кузя, погоди еще! Я тебе и за это добавлю. Уж я тебя не пожалею! Не посмотрю, что ты на ксилофоне играешь.

— Свести у него нет. Мы ему палочки вернули... Наподдай ему как следует, Женька!

Концерт вскоре окончился.

Ребята из музыкальной школы погружались в те же красные автобусы. Увидели мы и Петю Люлькина. Он все крутился возле одной из машин, а лезть внутрь не хотел — кого-то высматривал.

Может, меня и Женьку?

Наконец Люлькина силой затолкали в автобус, хотя он упирался и о чем-то просил.

Потом мы увидели генерала и дирижера оркестра.

Генерал пожимал дирижеру руку. Улыбаясь, что-то говорил.

«Сегодня ваше музыкальное войско одержало полную победу! — вот что, наверное, он говорил. — Удивительная у вас армия! Она может добиться победы или потерпеть поражение, не имея ни одного противника».

Тут, откуда не возьмись, к генералу подкатил черный «ЗИМ».

Генерал жестом показал дирижеру на машину. «Мол, садитесь в мою военную машину, я вас живо домчу».

Но дирижер покачал головой и показал на автобусы: «Простите, мол, не могу. Генералы не вправе покидать свое войско даже после победы!»

И они расстались.

Генерал сел в черный «ЗИМ», а дирижер — в автобус. Толпа у театра стала редеть.

На столбах уже зажглись фонари, и сразу наступил вечер. Нам тоже пора было возвращаться.

Раза два нас высаживали из автобуса, а в метро и вовсе не пустили — денег на билет не было.

Остаток пути нам пришлось пройти пешком.

Добрались мы домой часов в девять, не чуя под собой ног от усталости.

Навстречу мне кинулась взволнованная мама. Отец же коротко спросил:

— Ну?

Мне здорово попало. Женьке, думаю, не меньше, хотя подробностей он не рассказывал.

ХОТИТЕ ИГРАТЬ В ОРКЕСТРЕ?

На следующий день мы с Женькой, захлебываясь и перебивая друг друга, рассказывали ребятам о кремлевском концерте.

Васька слушал, слушал, потом пренебрежительно махнул рукой:

— Тю-ю! Тоже мне невидаль! Давайте лучше пошлем Гришу за мячом и сыграем в футбол.

— Мячи гонять умеет всякий дурак, — ответил Женька и вдруг заявил: — Хотите играть в оркестре?

«Ай да Женька! — подумал я. — Всегда придумает что-нибудь интересное, не то что я».

Ребята не сразу поняли, о чем говорит Женька.

Кто-то неуверенно спросил:

— Чего-о?

— А ничего. В оркестре, говорю, хотите играть?

Первым откликнулся Гриша.

— Я хочу, — сказал он. — А на чем мы будем играть?
— На чем хотите, — нетвердо произнес Женька. — Ну, на этих самых... Скрипках...

— На одних скрипках далеко не уедешь, — сказал Костя. — В оркестре знаешь сколько разных музыкальных инструментов? И скрипки, и эти, как их... Я в окошко однажды видел в музыкальной школе. Ну, толстые, как Васька...

— Контрабасы, — подсказал я.

— Васька — толстый контрабас! — взвизгнул Гриша.

— Сами вы контрабасы, — буркнул Васька. — По-моему, главное — это барабан. Бум-ба-ра-бам-бам-бам-бам-бам!

— Скажешь тоже! — сказал я. — Барабан внутри пустой.

— Как твоя голова, — откликнулся Костя и засмеялся. — Треску много, а толку мало.

А смеялся Костя очень смешно. Начинал тоненько, с привизгиванием, а потом переходил на бас. Голос у него ломался, вот что.

— Я бы еще согласился играть на тарелках, — гнул свое Васька. — Звенят они здорово!

— Тебе все мерещатся тарелочки, вилочки, ножички, — сказал Костя. — А может, мне охота играть...

Спор готов был разгореться, но тут я неожиданно вспомнил, что у меня дома есть музыкальная энциклопедия.

— Что зря спорить и гадать? — воскликнул я. — Хотите, принесу энциклопедию? Мне ее бабушка подарила. Она у нас — бывшая балерина.

В одну минуту я слетал домой и притащил здоровенную книжищу.

— На, держи, — сказал я Женьке.

Женька выхватил у меня из рук старую, затрепанную энциклопедию, которая вдобавок пахла пылью и мышами, полистал ее и очень скоро обнаружил, что там не хватает больше половины листов.

— Твоя работа? — спросил он у меня.

Я честно признался, что когда был маленьким, то вырывал оттуда бумагу для змеев и голубей: очень хорошая бумага — здорово летала!

Женька стал ворчать, что половину энциклопедии я на ветер пустил и, может, самые лучшие музыкальные инструменты где-нибудь на проводах висят.

Я сказал:

— А нам много ли надо? Нам и этого хватит.

— «Хватит, хватит»... — продолжал ворчать Женька, одновременно выискивая названия инструментов.

— Нашел, — сказал он. — Валторна.

— Валторна?

— Да. Тут написано, что валторна произошла от охотничьего рога.

— Я хочу на валторне! — воскликнул Гриша, которому стало скучно.

— Мало ли что ты хочешь... — ответил Васька. — Может, я хочу на гитаре? А тут про гитару ничего нет.

— Ты хочешь барабан на тарелочке, — сказал Гриша.

— Я передумал, понял?

— Все равно на гитаре в оркестрах не играют, — с видом знатока сказал Женька. — Можете у Феди спросить.

— Ладно, уговорили, — пробурчал Васька. — Мне и тарелки подойдут. Есть там что-нибудь про тарелки?

— Тарелки? Сейчас... Тарелки... Есть тарелки! «Самозвучающий ударный музыкальный инструмент...» Дальше неинтересно... А вот тут интересно: «Одну из тарелок прикрепляют к барабану. Это дает возможность играть на обоих инструментах одному исполнителю».

— Значит, — развеселился Васька, — я буду играть и на барабане, и на тарелках?

— Хитренький какой! — заныл Гриша. — Я уже давно хочу играть на барабане.

— Чудак человек! — Васька пожал плечами. — Разве я виноват, что тарелки прикрепляют к барабану? Нельзя же отдирать одно от другого. Только хорошую вещь портить!

— Все равно барабан мой!

— Как же, твой!

Конец спору положил Женька.

— Знаете что, оркестранты, — сказал он. — Я придумал! — Женька стал поспешно листать энциклопедию. — Ты, например, Васька, будешь... ве... ве... ве... виолончелью.

— Почему это я — виолончель? — испугался Васька.

— А потому, что ты на букву «В» и виолончель на букву «В». Другим тоже так выбирать будем, понял?

— Понял... А что там про виолончель написано?

— «Виолончель — инструмент скрипичного семейства... Широко применяется в качестве сольного и оркестрового инструмента. Число виолончелей в оркестре достигает 12-ти...» Отличный инструмент. Прямо против дирижера играет. Правда, Федя?

— Слушай, поколдуй и мне, — сказал Костя, который долго молчал и напряженно наблюдал за всем, что происходит. — Если угадаешь мое желание, честное слово, буду играть в твоём оркестре.

— Ка... ка... ка... — забормотал Женька, шурша негнущимися страницами. — Вот: контрабас!

Костя с удивлением поднял брови, а я вспомнил, как он смотрел в окно музыкальной школы на мальчика с контрабасом.

— Ты не сомневайся, — ободряюще сказал Женька. — Про него тоже написано, что он из скрипичного семейства, только самый большой по размеру — целых два метра. Без него не обходится ни один оркестр. И думать тут нечего! Согласен?

— А я? — заволновался Гриша. — На чем я буду играть?

— Ты будешь играть... на гудулке, — прочитал Женька первое попавшееся название.

— Не хочу на гудулке. Хочу на барабане.

— Не хочешь на гудулке, играй на гамбанге, а про барабан и думать забудь.

— Не хочу на гамбанге.

— Тогда, пожалуйста, — на геликоне.

— Не хочу! — капризно взвизгнул Гриша.

— На гекельфоне хочешь?

— Не хочу!!

— На гидравлосе?

— Не хочу!!!

Женька наконец разозлился и хлопнул несговорчивого дошкольника энциклопедией по голове:

— Чего раскричался? Нет ничего больше на букву «Г».

Но Гриша был человеком упрямым и умел задавать такого реву в три, четыре, пять ручьев, что сбегались жильцы всего дома от первого до десятого этажа. Я поспешил взять у Женьки энциклопедию и нашел еще одно название: граммофон.

— Не хочу граммофон!

— А чего тебе надо, на самом деле? — спросил Васька. — Заведешь граммофончик, поставишь его в оркестре и сиди себе нога на ногу. Красота!

— Васька, вредина... — захныкал Гриша.

— Нет больше страниц на букву «Г», — сказал я Грише. — Остальные я на голубей израсходовал, честное слово!

Гриша с отчаянным ревом убежал домой.

А Васька посмотрел ему вслед и сказал:

— Может быть, вы все-таки пропустили там чего-нибудь?

— Может, и пропустили, — недовольно ответил Женька. — А чего он вопит как резаный? Никто же не спорил — ни Васька, ни Костя, ни Федя... Э-э, Федя-то без инструмента остался! Ничего, сейчас подберем... Фе... фе... фе... Фагот! Вот!

Я вырвал из Женькиных рук бабушкину энциклопедию и быстро нашел страницу на букву «Ж».

— А тебе придется играть на жалейке, — не без злорадства сказал я. — Нет больше ничего на букву «Ж», хоть тут все страницы целые.

Женька и глазом не моргнул.

— За меня не беспокойся. Я буду дирижером! Дирижеры ни на чем не играют. Они дирижируют палочкой.

— Что же у нас получается? — спросил Васька.

— Оркестр, — ответил Женька. — Виолончель, контрабас, фагот и... я.

— Мда-а, — протянул Костя. — Хорошенький оркестр, ничего не скажешь!

Женьку тоже, видимо, взяло сомнение, и он стал щурить глаза.

— А чего особенного? — сказал Васька. — Ничего особенного! Сагитируем кого-нибудь. Вот Федя у нас большой специалист агитировать...

И все ребята с надеждой посмотрели на меня.

СЕРЕЖКИН ДЕД И ВЕЛИКИЙ СКРИПАЧ ПАГАНИНИ

На следующий день в школе, на уроке по русскому, я внимательно оглядывал ребят — с кого начать агитацию?

Наконец мой выбор пал на Сережку Копаева.

Сережка сидел в соседнем ряду слева, и мне нетрудно было с ним переговорить.

«Вот, — думаю, — удача: Сережка — «С», будет играть на скрипке. Чем плохо? Это даже очень кстати — у нас в оркестре нет ни одной скрипки».

Я окликнул Сережку.

Тот заулыбался и, еще не понимая, в чем дело, принялся строить рожи. Это он умеет. Иногда мне даже кажется, что лицо у него из мягкой губки или из пенопласта — такая богатая у Сережки мимика.

— Послушай! — шепчу ему. — Я тебе что-то важное хочу сказать!

А он продолжает улыбаться и строить рожи.

На всякий случай я показал ему кулак, которого он сроду не боялся, и сказал громче:

— Хочешь играть на скрипке?

Выпучив глаза, Сережка молниеносно ответил:

— Хочешь получить по шее?

— Ты не думай, я не шучу.

— И я не шучу!

Немного позже я узнал, что Сережкин дед когда-то учился играть на скрипке и решил посвятить в это искусство своего внука. Он по несколько часов в день занимался с Сережкой, а на ночь рассказывал ему историю про великого скрипача Паганини.

Сережка окончательно возненавидел скрипку и наотрез отказался играть на ней.

Но я ничего этого не знал, поэтому ринулся в атаку:

— Чудак, может, ты станешь вторым Паганини!

Сережка с остервенением принялся обстреливать меня мокрыми бумажными шариками.

— Федя, не вертись! — строго сказала мне учительница.

Я замер, и тут же несколько липких комочков больно ужалило меня в лицо.

После этого я услышал свирепый Сережкин шепот:

— И когда это ты, тихоня, успел спеться с моим дедом?

Ну, погоди-и-и!

Я пожал плечами: с каким еще дедом?

Потом прозвенел звонок, и началась перемена.

Едва я очутился в коридоре, как Сережка набросился на меня:

— Я тебе покажу Паганини! — вопил он.

Женька быстро и толково разъяснил Сережке, в чем, собственно, дело. Сережка неожиданно согласился:

— Так сразу бы и сказали. С вами в оркестре я буду играть. Даже интересно. А Паганини запирали в чулане, где крысы бегали. Охота была!

Обрадованные таким легким успехом, мы кинулись агитировать других, но никто больше не согласился, если не считать Тани.

На большой перемене я сбегал домой и притащил бабушкину энциклопедию.

Тане досталась труба.

Таня почему-то обиделась, но ничего не успела сказать, потому что опять прозвенел звонок — перемена окончилась.

И тут, на уроке, всю зареботал телеграф.

Таня что-то написала Женьке.

Зная Танин капризный характер, Женька, не распечатывая, отправил записку обратно. Тогда Таня написала мне:

Передай Жене, что я не согласна.

Я сообщил об этом Женьке, а он написал в ответ:

Передай Тане, что ее дело — труба. Пусть помалкивает!

Но к концу урока Женька все же уступил. Он снова порылся в энциклопедии и нашел там на одной-единственной сохранившейся странице на букву «Т» название еще одного музыкального инструмента — тромбон.

Таня немедленно написала:

Вот это другое дело!

НУЖЕН ИНСТРУМЕНТ НА БУКВУ «Г»!

Итак, роли в будущем оркестре были распределены. Осталось достать музыкальные инструменты.

И мы с жаром принялись за дело.

Вечером Васька потащил меня к себе домой.

— Помогать будешь, — сказал он.

Васькин отец, склонившись над самодельным верстаком, точил что-то маленьким напильничком.

Мы смотрели на него и молчали. Наконец я дернул Ваську за рукав и шепнул:

— Мне домой пора.

— Сейчас! — тоже шепотом ответил Васька. — Так сразу нельзя!..

И громко обратился ко мне, словно мы только что встретились:

— Гляди, Федя, как здорово получается! Пап, это что — шпингалет?

Васькин отец — железнодорожник. Возможно, поэтому он любит точность и ясность.

— Говори о деле. Да покороче.

— Купи мне виолончель.

— Зачем?

— Буду играть в оркестре. Вот и Федя... Он на фаготе будет играть. Костя на контрабасе, и другие... Купи, а?

Васькин отец засмеялся:

— Виолончель ему... А ты что, умеешь играть на виолончели?

— Как же другие ребята? И я научусь!

Отец долго молчал, рассматривал шпингалет.

Васька лягнул меня ногой.

— Мы купим самоучитель, — сказал я первое, что пришло в голову.

Васькин отец покосился на меня и одобрительно крикнул.

Вообще я уже давно заметил, что произвожу на посторонних родителей благоприятное впечатление. Вот почему ребята всегда и везде таскают меня за собой.

И сейчас мои слова, видимо, хорошо подействовали на Васькиного отца. Он сказал:

— Ладно, куплю. Только без баловства. Уж если будет виолончель — изволь учись... Деньгами сорить не в моем характере.

Васька весь вечер ходил именинником. Мать ласково гладила его по круглой, как глобус, голове и отдала на съедение целую банку клубничного варенья.

— Умница, Васенька, — говорила она. — Только почему, сынок, виолончель? Может быть, лучше аккордеон?

— Нет, — ответил Васька. — В энциклопедии написано, что у виолончели благородный тембр. А про аккордеон там ничего не написано.

В общем, Васька держался твердо.

А я заторопился домой.

Только я ступил на лестничную площадку, слышу чей-то вопль:

— Хочу валторну на букву «Г»! Хочу барабан на букву «Г»!.. Хочу тарелку на букву «Г»...

Ошибки быть не могло — вопил Гриша. Он жил на втором этаже, но голос его взлетал чуть ли не до десятого.

На секунду я приостановился. Гришина тетья, покрывая своим басом визг племянника, говорила:

— Мальчику нужен инструмент на букву «Г»? Пожалуйста, хоть на два «Г»...

Голоса сразу поутихли.

Я побежал домой. Быстро сделал уроки. Но, прежде чем обратиться к родителям с просьбой купить мне фагот, призадумался...

МНЕ ПОКУПАЮТ ФАГОТ

Я не знал, что такое фагот, и это меня смущало. Думаю: опять, наверное, не повезло. У других инструменты как инструменты, а у меня — фагот.

Заглянул еще раз в энциклопедию и нашел другие инструменты на «Ф». Вот, например, флексатон или еще хуже — флажолет. А кто его знает, что это за флажолет? Может, он здоровый, как кухонный стол. Таскайся потом с ним всю жизнь... Охота была!

Правда, на очередной полуоторванной странице мне попало еще одно слово, вернее, кусочек от него: «фле...». Я решил тогда сказать Женьке, что это, наверное, флейта и что меня это вполне устраивает. Я вспомнил, что видел однажды в военном оркестре флейтиста. Думаю, чем плохо? Вдруг я стану военным флейтистом?

А потом я подумал: а что, если это «фле...» — вовсе не флейта, а тот же флексатон, только побольше?

Нет, лучше уж не рисковать. Ну его, этот «фле...» — останусь-ка при своем фаготе. В конце концов я махнул рукой и решил начать переговоры.

Договорился я со своими домашними довольно быстро.

— Мне нужен фагот, — начал я.

— А велосипед? — спросила мама. — Вчера ты просил велосипед.

— Да, просил, — подтвердил я.

И мне стало ужасно жалко расставаться с велосипедом. Конечно, гораздо приятнее кататься, чем играть на каком-то неизвестном фаготе. Что и говорить! Но тут мне открылась великая истина: человеку всегда хочется делать то, что делают другие.

«Что же, — подумал я. — Все начнут играть в оркестре, а я буду разъезжать на велосипеде?»

— Фагот, — сказал я твердо.

И мы с мамой на следующий день отправились в магазин «Музыка».

— Фагот? — переспросил продавец. — Для этого мальчика? — Он показал на меня. — А вы не ошиблись?

— Почему ошиблась? — спрашивает мама.

— Да нет, ничего, — отвечает продавец. — Просто один тут тоже недавно покупал для мальчика фагот, а на другой день прибежал обменивать его на кларнет. Может, сразу возьмете кларнет?

— Что скажешь? — спросила меня мама.

— Фагот, — твердо ответил я и вдруг почувствовал симпатию к этому неизвестному инструменту.

Фагот оказался довольно длинной деревянной трубой, толщиной с кулак и с шишками по всему телу.

— А инструкция к нему есть? — спросил я.

— Инструкции бывают для соковыжималок, — сердито ответил продавец. — А это, если вас еще не предупредили, — музыкальный инструмент!

— А самоучитель?

Продавец демонстративно отвернулся от меня.

Принесли мы домой фагот, хотел я поиграть на нем, а куда дуть — не знаю.

— Почему нет инструкции?! — возмутился я. — Куда дуть?

— Куда-нибудь, — рассеянно ответила мама, которой было не до фাগота — она уселась за диссертацию.

Все-таки я разобрался. Нашел в футляре длинную, изогнутую вопросительным знаком тонкую трубочку, воткнул ее в специальное отверстие на фাগоте и принялся дуть.

Дул, дул — в глазах потемнело, во рту пересохло, а толку никакого.

Тогда я собрал остатки сил, зажмурился и дунул что было мочи.

Фагот неожиданно взвизгнул, и я выронил его из рук...

УТОЧКИН КОНТРАБАС

Как бы там ни было, а я свое дело сделал.

А как остальные ребята?

Сереечке беспокоиться было не о чем. Дедова скрипка ждала его, что называется, с распростертыми объятиями — хоть сейчас бери да играй. Но предусмотрительный Сереежка сказал, что пока ничего деду говорить не будет. Вот когда оркестр будет в полном сборе, тогда можно открыться.

Васькин отец не собирался нарушать слова. Он ходил по магазинам и искал подходящую виолончель.

Таня дулась и ни с кем не разговаривала.

Интересно, какая муха ее укусила? Ума не приложу! Говорят, родители посоветовали ей не связываться с мальчишками. Нам стало обидно. И мы махнули на Таню рукой. Ну ее на самом деле!

Когда мы собрались во дворе, чтобы подвести окончательные итоги, Гриша оказался тут как тут.

Он весь сиял:

— Эй, Жень, спроси, как мои дела!

— Внимание! — воскликнул Женька. — Все слушаем Гришу!

У Гриши от удовольствия вспотел нос. Подпрыгивая на месте, он полез за пазуху и достал оттуда губную гармошку.

— Сразу на два «Г». Это мне тетя Соня подарила.

— Берите пример, — сказал Женька, искоса поглядывая на Костю, который так и не уговорил родителей купить ему контрабас. — Молодец, Гриша, не то что некоторые!

Костя пожал плечами:

— А зачем в оркестре губная гармошка? Сроду их там не было...

— Ничего, пригодится, — ответил Женька.

— Дай попробовать, — сказал Васька, протягивая руку к гармошке.

— Не дам! — ответил Гриша. — Тетя Соня не велела.

— Что это будет за оркестр без контрабаса? — продолжал Женька. — Вы когда-нибудь видели такой?

— Не видели, — ответил Гриша, который в жизни не видел еще ни одного оркестра.

— Нет, нет, нет! — воскликнул Женька, шагая взад-вперед. — Так дело не пойдет. Нужно что-нибудь придумать.

Костя с надеждой посмотрел на Женьку. А тот прищурил глаза и задумался: не такой он был человек, чтобы товарища в беде оставить.

— Может, поговорить с Уточкинским? — наконец предложил Женька. — В красном уголке должны быть какие-нибудь музыкальные инструменты.

— Правильно, ребята! — воскликнул Костя. — Айда к Уточкину!

Мы двинулись за Женькой и Костей к Уточкину.

Уточкин встретил нас настороженно. Но, узнав, в чем дело, неожиданно обрадовался.

— Насчет чего другого — не знаю, — широко улыбаясь, сказал он. — А контрабас — пожалуйста! Самодеятельность — великая сила! На балансе домоуправления висит отличный контрабасик. Одно загляденье. Берите на здоровье, под расписку родителей.

Еще не веря своему счастью, Костя помчался за распиской.

Но не прошло и пяти минут, как он вернулся и, не глядя на нас, пробурчал:

— Не дал.

— Как — не дал? — удивился Женька. — Отец он тебе или нет?

— Он велел выбросить эти глупости из головы.

— Федь, — подал голос Васька, — пусть твоя мама напишет расписку. Чего тут особенного?

— И правда! — воскликнул Костя. — Будь другом, выручай!

Все устали на меня, и я понял, что надо идти.

Маме я все объяснил. Она выслушала и, не задумываясь, тут же написала расписку.

Уточкин внимательно перечитал расписку. Поставил печать, что-то написал на ней и запер в ящик стола.

— Пошли, — сказал он и повел нас в темный подвал.

Там была кладовая домоуправления.

— Минуточку! — воскликнул он и нырнул в какую-то низкую дверь.

Вскоре из-за двери послышался грохот и стон Уточкина.

Васька чуть не подавился булкой. Гриша притих. Костя и Женька с удивлением уставились на дверь. А я не знал, что и подумать.

Наконец Уточкин появился. Он пятился боком и волочил за собой нечто загадочное.

Через минуту он положил к нашим ногам то, что называл «отличным контрабасиком».

Контрабас был весь в трещинах, без струн и подставки.

Видя наше замешательство, Уточкин сказал:

— Берите, берите, а то ведь раздумаю!

И мы потащили контрабас во двор.

А Уточкин смотрел нам вслед и облегченно вздыхал.

Мне показалось, что он пробормотал:

«У-х-х, наконец-то избавился от этой гадости!»

«А ВЫ, ДРУЗЬЯ, КАК НИ САДИТЕСЬ...»

Оркестр был в сборе. Мы расположились за домом, перед пустырем, на узкой асфальтированной дорожке.

Мы собирались разучивать песню «Я люблю тебя, жизнь».

Эту песню выбрал Женька. Он знал много хороших песен, помнил десятки разных мелодий и всегда что-то мурлыкал себе под нос, даже не замечая этого. Он сказал, что «Я люблю тебя, жизнь» — очень важная и нужная песня и ее должен уметь играть всякий порядочный оркестр.

Правда, в нашем оркестре не очень-то гремели трубы и тромбоны. Их у нас просто-напросто не было. По той же причине обошлось без золотого сияния валторн и стука баббанов.

Нельзя сказать, что у нас вообще ничего не было. Как-никак в оркестре были фагот, скрипка, губная гармошка и контрабас без струн и смычка.

Контрабас, вероломно брошенный хозяином, лежал на асфальте, занимая всю дорожку, и мешал прохожим.

А Костя заявил, что родители послали его по важному делу. Он, мол, мигом слетает туда и обратно, а репетицию можно начать и без него.

Мы уговорили двух мальчиков и двух девочек — первокурсников из нашей школы — поддержать инструмент в вертикальном положении. Где это видано, чтобы в хорошем оркестре контрабасы валялись на земле?

Мальчики согласились сразу, а девочек сперва напугал вид этого великана, безмятежно развалившегося на дорожке. Но вскоре дело уладилось, и все получилось замечательно. Это очень хорошо и солидно, когда над оркестром возвышается контрабас. Женька без него ни за что не согласился бы начать репетицию.

В самый последний момент появилась Таня. Конечно, без тромбона. Оглядев нас, она сказала:

— Подумаешь, артисты нашлись!

Но не ушла.

А я приготовился играть на фаготе. Правда, я предупредил Женьку, что у меня пока получается всего-навсего одна, иногда две ноты.

Первый звук моего фагота был очень высокий и какой-то неустойчивый. А главное, требовал огромной затраты воздуха из моих легких и напоминал козлиное блеяние.

Второй звук был куда лучше! И сомневаться в этом не приходилось. Он был пониже, поувереннее, а так как я часто менял дыхание, он походил на солидное утиное покрякивание.

Женька выслушал меня, вздохнул и согласился.

И я добросовестно помогал оркестру играть «Я люблю тебя, жизнь». Мне казалось, что в песне и мои два звука могут пригодиться. Вот, помню, тогда, в Кремле, один мальчик играл на такой огромной-огромной трубе, свернутой, словно гремучая змея. Он тоже несколько раз на-

дувал щеки, а потом сидел и ничего не делал. Все вокруг, надрываясь от старания, играли, а этот сидел, словно его ничего не касается.

Гриша тоже с воодушевлением дул в губную гармошку. Мне казалось, что он нам изрядно мешает. Но Женька не гнал его, и я тоже решил не обращать на него внимания.

Серезжка слушал, слушал, махнул на все рукой и, сунув скрипичный футляр под мышку, исчез.

Васька на репетицию опоздал. Он явился без виолончели, удивился и спросил:

— Вы еще играете? А я думал, что все давно уже кончилось.

Врал Васька. Ему не дали дома виолончель, это я точно знаю.

Как бы там ни было, а репетиция продолжалась. Откровенно говоря, никто теперь не пытался играть. Мы, во главе с дирижером, просто пели. Так получалось лучше. А Женька здорово дирижировал! Он прямо лез из кожи вон, чтобы не подкачать. И не напрасно: вокруг собралась толпа любопытных. Некоторые даже с удовольствием подпевали.

Женька махал руками как сумасшедший и так старался, что у него кепка слетела с головы.

Лифтерша из нашего подъезда — она тоже была среди публики — почтительно подняла кепку и нахлобучила ее на самые Женькины глаза. Но Женька на это никакого внимания не обратил, потому что песня была в самом разгаре.

Когда, под угрожающее покачивание контрабаса, песня была спета от начала до конца, мы начали ее повторять. Но на второй же строчке, на словах: «Что само по себе и не ново», в окне третьего этажа высунулись сразу две головы. Одна с усами, другая без усов.

— А ну, марш отсюда! — хором закричали обе головы. — Люди отдыхают после ночной смены, а эти устраивают под окнами кошачьи концерты! Безобразие!

Толпа, окружавшая нас, моментально исчезла.

— Фи! — сказала Таня. — Тоже мне оркестранты!

И удалилась.

Ребята тоже заторопились домой. Откуда-то появился Костя и молча утащил контрабас.

А мы с Женькой долго бродили по двору и грустили.

— Подумаешь! — сказал я. — Сегодня не получилось, получится завтра. Чего ты расстраиваешься, Женька?

— Ничего у нас не получится, Федя, — ни сегодня, ни завтра. Разве это оркестр? В настоящем оркестре знаешь сколько музыкальных инструментов? Ты же помнишь оркестр, который играл в Кремле...

— Хорошо, когда много инструментов, — согласился я.

— Это намного лучше, Федя, — грустно откликнулся Женька. — Когда их много, совсем другое дело.

— Знаешь!.. — воскликнул я. — Мне в голову пришла хорошая мысль. Давай всех ребят, которые живут в нашем доме, агитнем в оркестр. Представляешь, что будет?

— Представляю. — Женька насмешливо посмотрел на меня. — Ну и дурак же ты, Федя. Какой смысл звать ребят всего дома, раз никто играть не умеет? Ты сам подумай!

— Тогда выход один — музыкальная школа! — решительно сказал я. — Сами научимся играть, других научим и — готово дело. А ты, Женька, будешь нашим дирижером. Решено?

Но мой друг сказал:

— Так-то оно так, но ведь там, говорят, дикий конкурс.

— Мало ли что говорят!

— Все-таки, Федя, конкурс этот не простой, а музыкальный. А что там происходит? О чем спрашивают? Кто его знает!

— Давай у кого-нибудь узнаем. Подстережем кого-нибудь из музыкальной школы и спросим. Видишь, идет девочка, которая выручила нас тогда, в Кремлевском театре?

— И правда! — обрадовался Женька.

Девочка сразу узнала нас и спросила:

— Ну, понравился концерт? Я там выступала.

— Ты?

Женька так и устоял на девочку.

— Хочешь, программу покажу?

Она поставила на поднятую коленку папку с нотами, щелкнула замочком, вытащила программу кремлевского концерта и показала нам строчку, где было написано:

МОЦАРТ, ФАНТАЗИЯ...

Исп. ученица 5-го класса

МУХИНА ЛЕНА

— Вспомнил! — воскликнул я. — Тебе еще «бис» кричали... Только ты сама на себя совсем не похожа.

— Это со сцены всегда так, — сказала Лена. — Трудно потом кого-нибудь узнать.

— Чудно как-то, — не то с удивлением, не то сомневаясь, сказал Женька. — Моцарт... Фантазия... И Мухина... Тебя, наверное, Мухой называют в школе?

Я хихикнул:

— Муха!

Лена разозлилась и стукнула меня нотной папкой по голове — и угодила замочком. Да так, что прямо искры из глаз посыпались. Никогда не думал, что папкой можно так здорово драться!

— Будешь дразнить — получишь еще, — сказала Лена, и я понял, что с Мухиной шутки плохи.

Молча потирая шишку, я больше не участвовал в беседе.

А Лена вдруг воскликнула:

— Ой мальчики, совсем заболталась с вами! На урок опаздываю!

Не успели мы и глазом моргнуть, как она скрылась.

— Забыли спросить про конкурс! — ахнул Женька. — Чего же ты зевал, Федя?

МОЯ МАМА — ПАРЛАМЕНТЕР

Шишка была средних размеров и не очень болела. Но когда мама пришла пожелать мне спокойной ночи и по привычке погладила по голове, ее теплая ладонь прошлась по незнакомому бугорку.

— Честно заработал? — спросила мама.

— Честно, — ответил я. — Так мне и надо.

И я рассказал ей все по порядку: о неудавшейся репетиции, о непонятном конкурсе в музыкальную школу, о Лене Мухиной и о том, что мы так ничего и не узнали про конкурс.

— Не горюй, Фаготик, — ласково сказала мама. — Я завтра пойду в школу и все разузнаю. Почему ты сразу меня не попросил?

Хороший человек у меня мама, надежный!

С такими мыслями я уснул, а утром сказал ребятам:

— Все в порядке. Моя мама пойдет в музыкальную школу и все уладит. Я ей и список дал. Всех записал: Женьку, Ваську, Костю, Сережку и даже Гришу. Что мне — жалко? Встал чуть свет и аккуратноенько всех перечислил. Вот только Таню не стал записывать. Зачем она нужна, раз не хочет играть на тромбоне?

— Ну и правильно, — сказал Женька. — Терпеть не могу кривляк.

— Это ты хорошо сделал, — сказал Васька. — Все равно в музыкальную школу без своих инструментов не принимают.

— Откуда ты знаешь?

— Сам слышала. Соседка рассказывала. Говорит, что там первое дело спрашивают: «Музыкальный инструмент есть? Нету? Ну и поворачивайте обратно!»

Только Васька сказал об инструментах, я вдруг вспомнил, что меня-то в списке нет. Отдал его маме, а себя не записал — вот растяпа!

Ребята принялись успокаивать меня.

— Раз пошла твоя мама, она и за тебя словечко замолвит, — сказал Женька.

— Замолвит, замолвит, — подтвердил Гриша. — Мамы всегда замолвливают.

Мы вертелись возле музыкальной школы и все время поглядывали на вход.

Мы ждали своего парламентаря, то есть мою маму.

— И чего ее так долго нет? — волновался я.

Костя высказал соображение, что маму заставили все подробно рассказать про нас, а потом, как водится, отка-

жут. Женька еще раз удивился подозрительности Кости. А Васька затосковал: наступило обеденное время. Сережка сокрушался, что раньше времени переполошил своего деда — что теперь будет! Опять начнется доремифасоль...

Неожиданно стал накрапывать дождь. Асфальт на «Площадке встреч» потемнел.

— По домам, что ли? — спросил Васька.

Но тут дверь музыкальной школы распахнулась, и появилась моя мама.

Она посмотрела на небо, передернула плечами и подняла воротничок пальто.

— Мама! — крикнул я. — Мы тебя ждем, ждем... Где ты пропадала?

— У Геннадия Максимилиановича был урок.

— А дальше?

— Дальше? Я ему рассказала про вас...

— А он? Ну же, мамочка, не тяни!

— Он мне сказал, что ничего особенно трудного на конкурсе в музыкальную школу нет. А в классы духовых и струнных инструментов попасть и вовсе легко.

Мы дружно закричали «ура!». Туча на небе разорвалась, и выглянуло солнце.

— Тише, тише! — сказала мама. — Совсем еще неясно, что из этого выйдет: во-первых, учебный год давно уже начался. Во-вторых, неизвестно, у кого из вас есть музыкальные способности. Словом, Геннадий Максимилианович велел завтра явиться к трем часам, а там видно будет.

Мама помахала нам рукой и ушла.

— Самый раз сыграть главный матч сезона, — сказал Женька. — Кто хочет погонять мячик?

— Я есть хочу, вот что! — ответил Васька.

— Да ну тебя! Поиграем до десяти голов, и ступай себе. Договорились?

Все стали уговаривать Ваську, и Васька согласился.

— Только, чур, — сказал он, — я не буду играть в паре с Федей. Вечно бежит не в ту сторону и норвит забить гол в собственные ворота.

Разделились на две команды: Женька, я и Сережка — против Васьки, Кости и Гриши.

Грише велели сбегать за мячом, а Женька достал из кармана судейский свисток и трижды свистнул.

ЧЕМ ОКОНЧИЛСЯ ГЛАВНЫЙ МАТЧ СЕЗОНА

Васька направился к воротам с величием слона, уходящего в джунгли.

Два красных кирпича, заменявшие ворота, постепенно — не без Васькиной помощи, — приближались друг к другу. Он успокоился лишь тогда, когда кирпичи сошлись на расстоянии вытянутых рук. Это придало Ваське уверенность, и он бесстрашно защищал ворота: животом, грудью и чем попало, так как ему было везде одинаково небольно.

Женька, не выпуская свистка изо рта, виртуозно водил мяч. Это он умел, что там говорить! Никто не пытался с ним тягаться.

Мы бестолково бегали за ним — оба состава, и в первые несколько минут никто не мог даже прикоснуться к мячу.

— Финт правой, финт левой!.. — кричал Женька, кружа, уходя в сторону, но неумолимо приближаясь к воротам.

Назревал гол.

Васька нервничал. Он подпрыгивал, приседал, бегал из угла в угол, то есть от кирпича к кирпичу: он знал — с Женькой шутки плохи!

А сложнейшая Женькина комбинация закончилась неожиданно. Мяч с немзыкальным звоном влетел в окно музыкальной школы — оно находилось как раз за Васькиной спиной.

Сначала мы остолбенели. Потом послышался голос Кости:

— Спасайся кто может!

Костя сделал два гигантских прыжка и мгновенно скрылся.

Васька выплюнул недожеванный кусок яблока и, не задумываясь, кинулся наутек. Он по опыту знал, что извиняться за выбитое стекло нет смысла. Главное спасенье — ноги. И — подальше от места происшествия.

Остальные члены футбольной команды, в том числе и Женька, ориентируясь на Васькины серые штаны, топали следом.

О том, что произошло в этот момент в музыкальной школе, мы узнали немного позже — от Пети Люлькина. Но я расскажу обо всем сейчас.

Мяч влетел в зал, где шла репетиция школьного оркестра. Когда вместе с мощным аккордом раздался звон выбитого стекла, все оркестранты опустили инструменты, а Геннадий Максимилианович сердито воскликнул:

— Этого еще не хватало!

Из глубины оркестра, словно антенна из транзистора, вылезла тощая фигура Кузи-барабанщика. Со злорадством размахивая барабанными палочками, он крикнул:

— Я знаю, кто выбил стекло!

Все обернулись к нему.

— Женька, вот кто!

Петя Люлькин вскочил со своего места, чуть не уронив скрипку:

— Враки! Не верьте ему, Геннадий Максимилианович!

— Хочешь, я выслежу? — продолжал кричать Кузя. — Хочешь?

Чей-то голос из оркестра тихо, но внятно произнес:

— Предатель, ябеда!

Спор не успел разгореться.

Виной этому был я.

Есть люди, которые в критические минуты плохо соображают. Я как раз из таких. Уставился, как дурак, на проем окна — и ни с места!

Именно в эту минуту за моей спиной выросла фигура коменданта Уточкина.

— Ты что безобразничаешь? — воскликнул он и схватил меня за шиворот.

В разбитом окне появилось рассерженное лицо Геннадия Максимилиановича, и я зажмурился от страха.

Потрясая метлой, спешила к месту происшествия уборщица школы — Мария Ивановна. За ней бежал Кузя с барабанными палочками в руках, за Кузей несколько оркестрантов, среди которых был и Петя Люлькин.

— Давай его сюда, — сказала Мария Ивановна.

— Бери, — ответил Уточкин, передавая меня уборщице. — Держи покрепче.

Мария Ивановна сгребла меня в охапку.

— Пустите, — простонал я и дрыгнул ногами. — У меня все ребра согнулись.

— У него ребра гнутся, слышали? А в милицию хочешь?

Мария Ивановна пребольно стукнула меня костяшками пальцев в затылок.

— Шутка ли сказать! Какое стекло выбил! В два человеческих роста да в два пальца толщиной... Ах ты, негодник!

Моя участь была решена, как вдруг неожиданно на «Площадке встреч» появился Женька.

— Пустите его, — сказал он, подбегая к Марии Ивановне. — Стекло выбил я.

Мария Ивановна, отпустив меня, моментально вцепилась в Женьку:

— Ишь заступник явился. И тебе всыплем!

— Он, конечно, он! — злорадствовал Кузя. — Я же говорил!

Вокруг Марии Ивановны бегал Петя и беспомощно повторял:

— Женька, Федя, как же вы это, а?

Но что мог сделать Петя, если в окне опять появился Геннадий Максимилианович.

— Всем в зал! — приказал он.

Женьку увели.

Я остался один на «Площадке встреч»...

МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ...

Я недолго простоял в одиночестве. На «Площадке встреч» появился Васька. Потом Сережка. А за ним, вздрагивая и озираясь по сторонам, Костя.

— Не один Женька виноват, — сказал я.

Никто не ответил.

— Это нечестно, — продолжал я.

— А чей удар был последним? — спросил Костя.

— Если хочешь знать, больше всех виноват Васька.

Если бы он не пропустил мяч...

— Тоже верно. Не пенальти же били...

— Женьке бы нужно помочь, — сказал Сережка. — А... вдруг его и так отпустят?

— И правда, что тут особенного? Подумаешь — стекло! Рано или поздно его разбили бы, — заговорил Васька.

— Идет! — закричал вынырнувший откуда-то из-за угла Гриша.

Из двери музыкальной школы вышел Женька. Вышел и посмотрел — сначала направо, потом налево. Может, и заметил нас, но молча двинулся мимо. Совсем в противоположную сторону. Руки в карманах, голова к небу. Весь непонятный и какой-то очень странный.

Мы догнали его и пошли следом, гуськом, так же молча.

Вдруг Женька остановился и уставился на нас.

— Били? — с жадным интересом спросил Гриша.

Женька не ответил.

— Жень... — сказал Васька, запуская пальцы в шевелюру. — Мы тоже хотели туда пойти, чесслово! Хотели сказать, что не один ты виноват, правда, Федя?

— Эх, ребята! — воскликнул Женька, не обратив внимания на Ваську. — Я слышал настоящую репетицию оркестра. Это так здорово, ребята... Это так...

У него, видимо, не хватало слов, чтобы рассказать нам все, что он там видел.

— Ну, а стекло? — спросил я.

Женька посмотрел на меня, и лицо его стало скучным и печальным. Кажется, он только теперь вспомнил, что при-

существовал на репетиции оркестра не по особому приглашению.

Он тяжело вздохнул.

— Когда меня привели к директору, он сказал: «Отправляйся домой, расскажи все родителям, а затем займись выбитым стеклом!»

— И все?

— Потом он повернулся ко мне спиной и больше со мной не говорил. Я мог уйти себе спокойно. Но они начали репетицию, и я остался.

— А Кузя? Ябедничал про драку?

— Он было поднялся, но директор почему-то рассердился на него: «Сметанкин, тебя ни о чем не спрашивают!»

— Значит, директор не знает, где ты живешь? — спросил Костя. — Тогда и волноваться не о чем!

— Не о чем? — переспросил Женька. — А как я завтра пойду в музыкальную школу?

Женька был прав. Пока он не уладит дела со стеклом, музыкальной школы ему не видать как своих ушей.

— А чего особенного? — сказал Васька. — Ничего особенного: расскажи все отцу, он отругает тебя, потом даст денег, мы пойдем к дяде Степе, он вставит стекло, и дело с концом.

— Не стану я рассказывать отцу, — угрюмо ответил Женька. — Не знаешь ты его... И вообще оставь свои советы при себе.

— Может, это не так дорого? — сказал я. — Давай спросим у дяди Степы.

Пошли мы к дяде Степе, а он заявил:

— Такое стеклышко ни в магазине, ни с рук не купишь. Его только организациям с завода выдают. Да и овал на такой толщине не всяким алмазом вырежешь. Что касается денег — думаю, не меньше десятки стоит.

Женька окончательно пал духом.

— Ну, не будем учиться в музыкальной школе! — воскликнул Гриша. — Сами убежим и Женьку спрячем, правда, Вась?

Мы и не посмотрели на Гришу. Но действительно, как

же быть? Ведь завтра к трем часам нужно идти к директору!

— Может, на самом деле никуда не ходить? — предложил Васька. — Ну его, оркестр...

— Ни в коем случае! — воскликнул Женька. — Разве вы виноваты, что я разбил стекло? Вы должны учиться, а я... я что-нибудь придумаю...

— А кто первый пойдет к директору? — спросил Костя.

— Кто? Конечно, Федя, — сказал Васька.

— Что ты, что ты! — замахал я руками. — Геннадий Максимилианович меня в окно видел. Из-за меня никого не примут.

— Ничего, — решил Васька. — Сними очки, и не узнает.

Васька прав. Когда я снимаю очки, глаза у меня становятся гораздо больше, а нос почему-то вытягивается вперед. Я становлюсь похож на таксу.

— Нет, — сказал я упрямо. — Хоть режьте, не пойду! Почему все я да я? Пусть Сережка идет!

Но Сережка скорчил такую физиономию, что Женька сразу посоветовал:

— Итак, жребий!

Теперь я точно знал, кто первым пойдет к директору! Можно было и не тянуть этот самый жребий. Когда четыре руки нырнули в Женькину кепку — Женька и Гриша в этом не участвовали, — моя рука была самой последней.

Сережка на радостях подпрыгнул:

— Я — нет!

— И я — нет! — воскликнул Костя.

Молчали двое. Я и Васька. На наших бумажках стояли роковые крестики.

— Подумаешь! — сказал Васька. — Ничего особенного. Даже интересно!

На лицах остальных ребят промелькнула зависть. Да, они завидовали — мне и Ваське. Иногда такое случается: кажется, тебе не повезло, а другие начинают тебе завидовать, и ты успокаиваешься и думаешь, что жить на свете не так уж плохо!

Я снял очки и спросил у ребят:

— Кто я, Федя или не Федя?

— Федот, да не тот! — засмеялся Костя. — Ты похож на ворону.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Васька и хлопнул меня по плечу.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Ты, Женька, не горюй. Мы поступим в школу, научимся играть, и ты обязательно будешь нашим дирижером. Вот посмотришь!

ТАИНСТВЕННЫЙ КОРИДОР И БАБА-ЯГА

Как и договорились, мы собрались на следующий день. Каждый принес с собой музыкальный инструмент.

Сережка был со скрипкой, но под конвоем деда. Тот удивленно уставился на контрабас Уточкина, который при-тащил с собой Костя.

— М-м-да, — шевельнул дед седыми усами. — Занятную вещицу вы приобрели.

— Дедушка, ну ты уходи, — сказал Сережка. — Мы здесь сами управимся. Нас, знаешь, с руками и ногами возьмут в школу!

— Все это вполне вероятно, но что за фантазия — таскать с собой инструменты? В этом нет никакой необходимости.

— Дедушка!

— Ну ладно, ладно, только ты, ради бога, поосторожней со скрипкой!

И Сережкин дед нехотя покинул «Площадку встреч».

Мы посоветовались немного и решили так: в школу войдут все, а к Геннадию Максимилиановичу, согласно жребью, отправимся я да Васька. Женька останется на «Площадке» и будет нас ждать.

Едва мы появились в вестибюле, как услышали сердитый голос Марии Ивановны:

— Куда это вы?

— Тетенька, — вежливо сказал я, — нам велели сегодня...

Мария Ивановна пристально посмотрела на меня.
— Что-то личность твоя мне знакомая, — сказала она. Это было очень некстати, и я сорвал с носа очки.
Мария Ивановна склонила голову набок и промолвила:
— Нет, кажись, обозналась...
— Мы хотим записаться в школу, — вмешался в разговор Сережка. — Видите, у меня уже скрипка есть.
Сережка был одет с иголочки: новый бархатный костюм, пышный черный бант, белый крахмальный воротничок — ни дать ни взять Паганини!
— Ишь ведь, чего захотели: «записаться»! Да у нас, дорогуши, сперва экзамен отстрадать нужно. А потом то ли примут, то ли нет. Это уж как решит комиссия. Одним словом — прием!
— Мы хотим приняться, — вступил в беседу Гриша. — Нам сам директор велел прийти...
— Всех к Геннадию Максимилиановичу не пущу! — отрезала Мария Ивановна. — Давай делегацию.
— Мы так и хотим, — поспешно сказал я. — К Геннадию Максимилиановичу пойдем я и Вася.
— Вот и хорошо. А остальные — стоять у меня смирно!

Кабинет директора школы находился в самом начале коридора, но Васька вдруг предложил прогуляться по всей школе и посмотреть, что где находится.

Я хотел возразить ему: какие могут быть прогулки, когда нас послали по делу?

Но сказал:

— Давай.

Со мной иногда случается: думаю одно, а язык говорит совершенно другое.

А коридору конца не было. Он то и дело поворачивал то в одну сторону, то в другую. С виду все было самое обыкновенное: стены, потолки, двери. Нет, пожалуй, двери были не совсем обычные. Каждая обита голубым дерматином. А на уровне глаз черные стеклянные дощечки: «КЛАСС ПЕДАГОГА» — и вставлен кусочек картона

с фамилией учителя. А больше всего меня удивило, что нигде не указано, какой тут класс: первый, второй или третий? И нет привычных букв — как это принято в обычных школах — ни «А», ни «Б». Попробуй угадай, кто занимается в этих классах — то ли первоклассники, то ли старшекласники.

И чем дальше мы шли, тем яснее мне становилось, что коридор музыкальной школы отличается от всех других школьных коридоров: он был полон звуков.

У каждой двери — свой собственный голос. Вот у этой — голос баяна. Я даже узнал песню, которую играл невидимый баянист: «Эй, ухнем!»

— Здорово ухаёт, — сказал Васька.

Мы немного постояли, послушали и двинулись дальше. Из-за другой двери раздавались короткие тяжелые возгласы, словно пароходные гудки.

Васька осторожно приоткрыл дверь. За ней оказалась еще одна, и между ними просторный тамбур, где спокойно могли бы уместиться два человека. Конечно, если один из них не был бы Васькой.

Когда я полез следом за Васькой в тамбур, вторая дверь слегка приоткрылась.

Мы испугались и хотели убежать. Но в классе не было ничего страшного: в квадратной светлой комнате у стенки примостился рояль, а посередине стоял высокий мальчишка с контрабасом. Он усердно водил смычком по толстым струнам, извлекая звуки, похожие на пароходные гудки.

Кроме него, в классе никого не было.

Васька сразу осмелел.

— Дай попробовать, — весело попросил он, подходя к контрабасисту.

Не переставая играть, тот ответил:

— Сейчас закончу этюд и так тебе дам, что в следующий раз не будешь мешать человеку заниматься!

Однако он не успел осуществить своей угрозы. В класс вошел учитель.

— Что вам угодно, молодые люди? — спросил он нас.

Учитель был маленького роста, в полтора раза меньше контрабаса и в два раза толще Васьки. Растопыренные пальцы рук лежали у него на животе, словно на глобусе. Он непрерывно барабанил ими по этому глобусу, где вместо Тихого или Великого океана ослепительно сверкала белая рубашка.

Дважды прокатившись по классу взад и вперед, он повторил:

— Что же вам угодно?

— Интересуются, — ответил за нас мальчишка-контрабасист. — Особенно этот. — Он показал смычком на Ваську. — Прямо рвется поиграть...

— Похвально, похвально, — сказал учитель. — Значит, хотите учиться на контрабасе?

— Нет... — проямлил Васька, пятясь к двери. — Я... уже... виолончелист...

— Чудесно, чудесно, значит, наш близкий родственник? А вы, позвольте спросить...

Словоохотливый учитель что-то говорил, но Васька был уже в коридоре, где еще раньше очутился и я.

— Знаешь, — говорю, — хватит с меня. Пошли к директору, и все!

Но с Васькой разве договоришься?

Он начал рассматривать портреты композиторов. Потом прилип к большому стенду, где было много картинок из какой-то сказочной оперы. Васькино внимание привлек рисунок бабы-яги.

— Хорошая картинка, — сказал Васька и, пользуясь ногтем как бритвой, принялся отдирать рисунок от стенда.

— Что ты делаешь?! — воскликнул я, со страхом озираясь по сторонам.

— Хорошая вещь всегда пригодится, — ответил Васька, пряча бабу-ягу в карман.

Наконец мы очутились возле кабинета директора...

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДОМ КВИНТЫ

Надпись «ДИРЕКТОР» навела Ваську на серьезные размышления.

— А почему, собственно, мы должны идти туда вместе? — спросил он.

Я, ни слова не говоря, повернулся и пошел прочь.

— Эй! — крикнул Васька. — погоди. Ты чего такой нервный стал? Слова ему не скажи!.. Ладно, пошли вместе, только ты иди впереди. Очки не забудь снять.

Я сдернул очки и постучал в дверь.

Моя рука отскакивала от дерматина, словно мяч от ракетки, но толку никакого.

Тогда я легонько приоткрыл первую дверь. Мы услышали звуки рояля и голоса.

Я хотел посоветовать Ваське подождать в коридоре, но он толкнул меня вперед. Вторая дверь распахнулась, и мы очутились в кабинете директора.

За роялем сидела маленькая девочка со светлыми косичками. Она играла и пела тоненьким голоском:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зеленая была...

Геннадий Максимилианович вполголоса ей подпевал.

Мне стало даже немного неловко за директора школы. Я, например, последний раз пел эту песенку, когда еще в школу не ходил.

Чтобы не смущать Геннадия Максимилиановича, я уставился на люстру, хотя без очков ничего толком не видел.

А песенка продолжалась:

Трусишка зайка серенький
Под елочкой скакал...

Геннадий Максимилианович взмахнул рукой и сказал: — А сейчас погромче, форте, форте, смелее! — И сам во все горло запел:

Порою волк, сердитый волк...

Вдруг Васька не выдержал и фыркнул. Девочка запнулась, а Геннадий Максимилианович повернулся к Ваське и так взглянул на весельчака, что у Васьки, по-моему, пропала всякая охота веселиться.

— Продолжим, — сказал Геннадий Максимилианович и, все еще глядя на Ваську, повторил:

Порою волк, сердитый волк...

Когда песня окончилась, он погладил девочку по голове.

— Хорошо, — сказал он. — Молодец. Значит, поставим тебе сегодня за «Елочку» отметку красным карандашом.

На рояле лежало три карандаша. Толстых, огромных, как барабанные палочки. Я таких сроду не видел. Один — красный, другой — синий, третий — черный.

Девочка прыгнула со стула, взяла красный карандаш и подала его Геннадию Максимилиановичу. В дневнике появилась большущая красная пятерка.

Я в своей жизни получал немало пятерок. Но такую мне никогда не ставили, и я позавидовал маленькой девочке.

— А за к в и н т ы? — спросила она.

— За квинты? — переспросил Геннадий Максимилианович. — Сейчас еще раз сыграешь, тогда и решим.

Девочка снова уселась, устроилась поудобней, положила руки на колени, посидела немного неподвижно и, чуть склонив голову набок, приподняла правую руку над клавиатурой. Очень плавным движением она опустила на клавиши два пальца, большой и мизинец, и сказала:

— Вот стеклянный дом квинты.

Повторила движение:

— Вот хрустальный дом квинты.

Еще:

— Вот квинта высоко-высоко на горе...

«Чего это она?» — удивился я.

А девочка повторила все сначала. Но теперь уже левой рукой и в левую сторону, туда, где рояль урчал и ворчал.

Тогда я все понял.

Не знаю, как Ваське, а мне показалось, что в звуках на самом деле было что-то стеклянное, и хрустальное, и еще такое, о чем словами не скажешь. А когда девочка пере-

бралась на басовые клавиши, то могла бы и не говорить, что это раскаты обвала в горном ущелье или эхо под сводами глубокой пещеры. И без того было понятно.

За все эти квинты Геннадий Максимилианович поставил ей четверку синим карандашом, хотя я бы на его месте не поспешил и на красную пятерку, — очень уж здорово она рассказывала.

— А черный карандаш пусть сегодня отдыхает! — воскликнула девочка, радуясь и укладывая в папку ноты.

— Пусть, бездельник, отдыхает, — в тон ей ответил Геннадий Максимилианович.

— Пусть!

И девочка с веселым криком «Пусть, пусть, пусть!» убежала из кабинета.

Геннадий Максимилианович уселся в глубокое кресло и сразу стал похож на настоящего директора.

Васька вытянул руки по швам и сказал:

— Мы пришли...

— Кто «мы» и зачем пришли?

— Мы и они. — Васька показал большим пальцем за спину. — Мы пришли записаться в музыкальную школу. Вы сами велели нам прийти...

— А-а, вот вы кто! — сказал Геннадий Максимилианович. — Я уже знаю кое-что о ваших планах... — Геннадий Максимилианович с минуту разглядывал нас. Потом продолжил: — Вся сложность в том, что учебный год уже начался...

— Да? — на всякий случай спросил Васька.

Все было понятно, и нам следовало бы уйти.

Но мы не трогались с места. Мы словно приросли к полу.

Геннадий Максимилианович неожиданно улыбнулся.

— А на чем бы вы, интересно, хотели играть? — спросил он.

Мы не успели ответить. В кабинет вошла какая-то учительница. По всему было видно, что она здорово сердитая.

— Вы представляете, Геннадий Максимилианович, — сказала она возмущенным голосом, — в коридоре ободран стенд. Такого у нас раньше не было!..

Васька глотнул слюну и тихо сказал мне на ухо:

— Пойдем, что ли?

— Минутку, ребята, — остановил нас Геннадий Максимилианович. — Разговор еще не кончен.

Успокоив учительницу, Геннадий Максимилианович сказал ей, что попозже во всем разберется, и вновь обратился к нам:

— Так на чем же вы собираетесь играть?

Я решил, что он хочет узнать, есть ли у нас инструменты.

— Вы не беспокойтесь. У нас все есть...

— Честное пионерское, — вставил Васька. — Все инструменты там, в вестибюле...

— Только Таня на тромбоне отказалась играть, — сказал я.

— Ну, если дело только за тромбоном, — посмеиваясь, сказал Геннадий Максимилианович. — Словом, отправляйтесь в вестибюль и ждите меня там...

Выйдя из кабинета, я посмотрел на Ваську:

— А ну-ка?

Васька без звука протянул мне рисунок бабы-яги.

Исцарапав себе пальцы и ободрав ногти, я с трудом вытащил четыре гвоздика и вернул рисунок на стенд.

Тут в коридоре появился какой-то ученик. Эдакая здоровая дылда. Он набросился на меня:

— Ты чего стенд портишь?

— Не порчу, а восстанавливаю!

— Вижу, как восстанавливаешь! Весь рисунок измял!

Я повернулся к Ваське, а его и след простыл.

Вот так всегда — за все я в ответе!

ГРИШИНА ИНТЕРМЕДИЯ

Прибежал я в вестибюль и только начал было ругать Ваську за бабу-ягу, вижу, идет Геннадий Максимилианович.

— Свои музыкальные инструменты оставьте здесь, — сказал он. — А сами идите за мной.

Он привел нас в зал, в тот самый, куда вчера влетел Женькин мяч. К разбитому окну был приставлен огромный лист фанеры. Я поскорее снял очки. Так все-таки спокойнее — вдруг Геннадий Максимилианович узнает меня и начнет расспрашивать про Женьку?

Но он даже не посмотрел в мою сторону.

Мы уселись на стулья, стоявшие вдоль стены, и, с любопытством озираясь, стали ждать, что будет дальше.

А дальше было вот что.

В зал вошли два учителя — старичок, у которого на кончике носа чудом держались очки с разными стеклами, молодая учительница, которая сообщила Геннадию Максимилиановичу о бабе-яге, и завуч школы Татьяна Васильевна.

Все поднялись на сцену и, с интересом поглядывая на нас, стали тихо переговариваться.

Толстый Васька был награжден добродушными улыбками. Он сидел рядом с Гришей и, не отрываясь, смотрел на свои ботинки.

Сережа судорожно отдирал от воротничка пышный черный бант.

Все мы, как говорится, были не в своей тарелке, и лишь Гриша не терял ни спокойствия, ни присутствия духа.

— Мы хотим познакомиться с вашими музыкальными способностями, — сказал Геннадий Максимилианович. — С кого начнем?

Гриша вскочил с места:

— С меня. Я самый маленький!

— Можно и с тебя. Ты на чем-нибудь играешь?

— Может и играю, только я не пробовал.

— Понятно, — сказал Геннадий Максимилианович, который, по-моему, уже раскусил Гришу. — А на чем хотел бы?

— На любом инструменте с буквы «Г». Можно на губной гармошке? Тетя Соня сказала...

Васька, не целясь, пнул своей мощной ногой слишком разговорчивого дошкольника.

Гриша дернулся и тотчас замолк.

— Ну хорошо, — сказал Геннадий Максимилианович и недобро посмотрел на Ваську. — Об инструменте мы поговорим потом. А сейчас спой песенку...

— Песенку? А какую, веселую? — спросил Гриша.

— Можно веселую.

— А грустную нельзя?

— Отчего же... Любую.

— Какую захочу?

— Да.

— А я никакую не знаю.

— Что ж ты, голубчик, морочишь нам голову? — сказал старичок в очках. — Сколько тебе лет?

— Пять, — ответил Гриша. — Скоро немножко прибавится.

Гришу усадили подальше от Васьки и попросили все-таки вспомнить какую-нибудь песенку.

К роялю подошел Васька и как-то сразу гармонично слился с ним — Васькины ноги были ничуть не тоньше ножек рояля.

— Что будем петь? — спросили его.

Васька вдруг погрустнел, тоскливо посмотрел в окно и неожиданно заныл высоким дрожащим голосом:

Серд-це кра-аса-авиц склон-но к изме-э-не...

Я знаю, почему Васька запел про красавиц. У них дома есть такая грампластинка. Васькина мама часто ее слушает, подперев кулаком лицо, и поминутно вздыхает.

...И к пере-ме-э-не, как ветер ма-ая, —

старательно завывал Васька.

В комиссии засмеялись.

— Это весь твой репертуар? — спросил Геннадий Максимилианович, когда Васька спел.

— Еще я знаю один вальс, — с готовностью ответил Васька. — Только он без слов.

Вальса Васька не пел, но чем-то очень заинтересовал членов комиссии. Они обступили его и спрашивали, спрашивали, загадывали музыкальные загадки, заставляли

хлопать в ладоши, прыгать под музыку и вообще всячески забавляли его.

Потом очередь дошла до Кости.

«Ну, — думаю, — этот не растеряется». Но Костя вдруг смутился, вытянул из воротника и без того длинную шею и сразу стал похож на глупого жирафа.

Ему тоже предложили спеть.

Костя прокашлялся, высморкался, одернул на себе куртку и сказал тихим голосом:

— Я без аккомпанемента не умею.

Молодая учительница молча села к роялю и вопросительно посмотрела на Костю.

— «Каховка», — объявил Костя, сложил руки на животе и вежливо поклонился.

Учительница лихо сыграла вступление. Костя разинул рот, но после первых же слов: «Каховка, Каховка...», спетых высоким фальцетом, голос его словно разорвался надвое и покатился куда-то вниз.

— Извиняюсь, — сказал Костя басом.

— Ничего, — улыбнулась аккомпаниаторша. — Ты пой, я тебя поймаю в любом регистре.

Каховка, Каховка,
Родная винтовка...

Аккомпаниаторша металась по всей клавиатуре, потому что голос у Кости в самых неожиданных местах то разламывался, то склеивался. Даже посреди одного слова.

— Так, так, — сказал Геннадий Максимилианович, когда Костя перестал мучиться, а вернее, перестал мучить ни в чем не повинную учительницу.

— Честное слово, я не виноват! — воскликнул Костя. — Он меня не слушается.

Мы тихо посмеивались. Но это продолжалось недолго. Наступила моя очередь.

— Ну, Очкарик, держись, — прошипел Костя, когда мы встретились по пути — он от рояля, а я к роялю.

Я пел «Марш Буденного», «Бухенвальдский набат», а напоследок «Дубинушку». Голос у меня не трескался, не

лопался, не раздваивался и не склеивался. Я был собою доволен.

И вдруг я увидел в окне физиономию Женьки. Упираясь локтями о карниз, он что-то говорил, широко разевая рот. Мне показалось, что он хвалит меня за удачное выступление.

Геннадий Максимилианович тоже повернул голову к окну, и Женька мигом скатился с карниза.

— Что тебе сказать? — обратился ко мне Геннадий Максимилианович. — Ты вкладываешь много чувства в пение. Только на будущее советую запомнить: петь на одном звуке никуда не годится. Это не пение, а гудение. Ты, видимо, еще не знаешь, что мелодия начинается лишь тогда, когда в ней, по меньшей мере, два различных звука.

Мне стало очень обидно. И для чего я старался? А тут за спиной послышался возглас: «Гудошник!» Затем противный смешок Кости и хихиканье Васьки, Сережки и Гриши.

— Может быть, у него внутренний слух? — сказала молодая учительница.

— Вполне возможно, — ответил Геннадий Максимилианович. — И это мы сейчас выясним.

Видя мою растерянность, Геннадий Максимилианович пояснил:

— Иногда человеку не подчиняются голосовые связки. Пение получается неточным, фальшивым, и принято считать, что у человека отсутствует музыкальный слух. Но это не всегда так...

Меня заставили отвернуться от рояля и сыграли какой-то звук.

— А теперь найди его, — сказал Геннадий Максимилианович.

Я без труда разыскал этот звук на рояле, потому что хорошо запомнил его.

Я находил еще и еще разные звуки, а Геннадий Максимилианович переглядывался с учителями и одобрителем кивал головой.

— Теперь мы проверим гармонический слух, — донеслось до меня.

Хорошо
запомнил
его

«Это сколько же слухов надо иметь?» — испугался я.

Приступили к проверке. Меня снова отвернули от рояля, и я услышал позади себя сразу несколько звуков, взятых вместе, на манер автомобильного гудка. Только от волнения я не разобрал: то ли два, то ли три.

Я украдкой посмотрел на ребят. Васька незаметно показал мне три пальца.

— Три, — сказал я.

— Верно, — согласился Геннадий Максимилианович. — Молодец, Вася!

— Я — Федя, — напомнил я.

— Да, да, — сказал Геннадий Максимилианович. — Продолжим...

Я внимательно прислушался и, уже не волнуясь и не глядя по сторонам, обрадованно подумал: «Конечно! Слово клаксон у «Волги»!»

— Опять три, — говорю.

— Молодец, Федя! — похвалил Геннадий Максимилианович. — В тебе определенно что-то есть...

Я еще некоторое время ходил под музыку, хлопал в ладоши и разгадывал всякие музыкальные загадки.

Наконец Геннадий Максимилианович сказал:

— Хватит с тебя. Иди на место.

Сережка оказался расторопней всех. Он аккуратно выполнял все требования, сбивался редко, но на всякий случай рассказывал про своего деда и про скрипку.

Все шло как будто гладко. Но тут забытый всеми Гриша вдруг закричал:

— А я?

Геннадий Максимилианович повернулся к нему:

— Как же ты хочешь в музыкальную школу без песни?

Гриша вскочил с места:

— Я знаю интермедию. — И выпалил одним духом:

Товарищи взрослые,
Вы в ответе за то,
Что делают ваши дети!

— И это все? — спросили Гришу.

— Дальше я забыл...

— А ты хоть знаешь, что такое интермедия?

Под общий смех нас всех выставили за дверь.

ПОСЛЕ ПРОСЛУШИВАНИЯ

После прослушивания мы, во главе с Васькой, занялись подслушиванием: поочередно прикладывали уши к двери зала, где шел горячий спор между Татьяной Васильевной и Геннадием Максимилиановичем.

Когда очередь подслушивать дошла до меня, я жадно приник к замочной скважине:

— ...И этого малыша Гришу Мишнаевского? — услышал я возглас Татьяны Васильевны.

В ее голосе мне почудился ужас. Затем они стали говорить тише, и я ничего не мог разобрать.

Вдруг дверь стремительно отворилась, и я полетел на пол.

В дверях стоял Геннадий Максимилианович.

— Здравствуйте, — растерявшись, сказал я и поднялся на ноги.

— А-а, здравствуй! — ответил Геннадий Максимилианович. — Давно не виделись. Не ушибся?

Ребята рассмеялись, а я поплелся к выходу.

Но Геннадий Максимилианович остановил меня и, обращаясь ко всем, сказал:

— Отправляйтесь-ка в мой кабинет. Я скоро приду.

Он куда-то исчез, а мы пошли в его кабинет. Настроение у нас, признаться, было не очень-то хорошее.

— Не примут, вот посмóтрите! — сказал Костя. — И зачем ты, Васька, заладил про измены и перемены? Что, ты без этого не мог обойтись?

— Ну, и ты хорош! — не остался в долгу Васька. — То пищал, как поросенок, то ревел, как бык. За такое по головке не гладят...

— А по-моему, — сказал Сережка, — нас с руками и ногами возьмут. Думаете, к ним каждый день приходят добровольцы?

— Особенно Федю возьмут, — сказал Васька. — Прямо схватят да еще спасибо скажут.

— Да-а, Федя был хорош! Гудел про бухенвальдский набат...

— Еще завел «Дубинушку»...

— По голове бы его этой дубинушкой...

— А я... — начал Гриша.

— Ты лучше помалкивай... — проворчал Васька. — Чего ты полез со своей дурацкой интермедией? Где ты ее выкопал?

— Тетя Соня водила меня на концерт. Там много всяких выступало. Тетя Соня смеялась. И я тоже смеялся.

— Эх, жаль, нет Женьки!.. — вздохнул я. — Он бы что-нибудь обязательно придумал.

Только я это произнес, как услышал: кто-то скребется в окно.

Женька!

— Нас не примут! — заорали мы в несколько голосов.

Женька погрозил нам кулаком, а сам полез ногами на карниз.

Через мгновение голова его протиснулась в открытую форточку.

— Что делать, Жень? — спрашиваю. — Нас не примут...

— Я тебе покажу, что делать! — ответил Женька. — Зря, что ли, мы доставали музыкальные инструменты?

— А если все-таки не примут?

— Как только придет директор, начинайте петь хором «Я люблю тебя, жизнь». Это здорово получается.

— Здорово? — сказал Васька. — Один раз нас здорово погнали. Чуть милицию не вызвали.

— Мало ли что! — ответил Женька. — Они ничего в музыке не понимают. Им лишь бы выспаться...

Вдруг в кабинет вошел Геннадий Максимилианович. Женька исчез так же внезапно, как и появился.

Увидев Геннадия Максимилиановича, мы почему-то не решились последовать Женькиному совету. Лишь наш бесхитростный Гриша заорал во все горло. Он голосил изо

всех сил, да так, что глаза у него вылезли на лоб. А мы готовы были провалиться сквозь землю.

Но Геннадий Максимилианович не перебивал Гришу. Он выслушал все до конца и сказал:

— А говорил, что не знаешь ни одной песни. И поешь правильно, и ритмично, и даже музыкально. Молодец! А то у меня появилось сомнение: принимать ли тебя в школу?

— А нас? — чуть ли не шепотом спросил я.

— Вы все зачислены.

Я чуть не подпрыгнул от радости.

— А когда мы начнем заниматься,

— Завтра же и начнете. Татьяна Васильевна включит вас в расписание. А пока попросите родителей зайти ко мне для исполнения некоторых формальностей. Да и познакомиться мне с ними не мешает. Что касается выбора музыкальных инструментов — все как будто ясно. Вася будет учиться на виолончели, Костя — на контрабасе, Сережа — на скрипке, Федя...

— А я? — нетерпеливо воскликнул Гриша.

— Губная гармошка отменяется. Мы тебя научим играть на скрипке...

— Не-е-тушки, — возразил Гриша. — Мне нужно обязательно на букву «Г», а то Женька заругает...

— Какой Женька?

Васька ущипнул Гришу.

Гриша ойкнул и ответил:

— Не знаю, какой. Только обязательно на букву «Г».

Геннадий Максимилианович поманил к себе Гришу и голосом, которым обычно рассказывают сказки, произнес:

— Давно-давно на Руси бытовал музыкальный инструмент на букву «Г». И называется он теперь... скрипка.

— Как так? — удивился Гриша.

— А вот так: в старину скрипку называли «гудок». Берись за скрипку. Не пожалеешь. У нее прекрасный тембр и сильное звучание...

На этом наша беседа с Геннадием Максимилиановичем закончилась.

Мы выбежали из школы.

На «Площадке встреч» нас ждал Женька.

Васька, конечно, не удержался, чтобы не похвастаться:

— Сам директор сказал про меня: «Талант!» А вы говорите — толстый. Если я был бы похудее, то, может, и таланта не было бы.

А Гриша восторженно кричал на весь двор:

— Я знал, что меня примут! Я знал, что меня примут!

Васька мечтательно продолжал:

— Отец обрадуется! А то все: «Полжизни на тебя тра-тишь, а ты бездельничаешь!» Теперь увидит, как я на виолончели буду трудиться.

— Мой дед тоже будет на седьмом небе, — протянул Сережка. И было непонятно — сам-то он рад или нет.

— Ладно, я пошел, — сказал Костя. — Некогда мне тут с вами лялякать...

Это послужило сигналом. Все заторопились домой, чтобы поделиться приятной новостью с родителями.

Лишь я не ушел. Я видел, каким одиноким и покинутым стал вдруг Женька. «Эх, — думаю, — и почему же люди, у которых радость, в этот момент забывают, что другим, может, не так уж хорошо и их нельзя оставлять одних?»

А Женька, ни слова не говоря, повернулся и тоже пошел прочь.

— Женька, подожди! — крикнул я ему вдогонку и хотел последовать за ним, но вдруг вспомнил, что из-за Гришиной болтовни Геннадий Максимилианович ничего не сказал мне о моем фаготе.

И я помчался обратно в школу.

ФАГОТ ИЛИ КЛАРNET?

От Геннадия Максимилиановича я узнал, что класса фагота в школе еще нет. Собираются открыть, но только на будущий год.

— Не хотелось бы тебя огорчать, — сказал он мне. — Но раз ты настаиваешь на фаготе, то придется отложить... Будущий сезон не за горами.

«Ждать целый год? Ни за что! Соглашусь играть на чем угодно, а времени терять не буду!»

— Можно мне играть на флейте? — попытал я счастья.

«Какая, — думаю, — разница, все равно с «фе».

— Класс флейты у нас переполнен, — ответил Геннадий Максимилианович.

Я огорчился не на шутку:

— А я уже с ребятами договорился...

— Ну, это я беру на себя, — ответил Геннадий Максимилианович. — Кто у вас за главного?

— Же... — начал я и осекся. — Никто.

— Тем лучше. Значит, никто и не станет возражать.

— На чем же я буду учиться?

— На кларнете.

— На кларнете?

— Замечательный инструмент. Без него не обходится ни один оркестр. Даже военный. Прекрасный тембр, сильное звучание. Словом, ты будешь доволен.

Я вспомнил, что Геннадий Максимилианович про скрипку тоже говорил, что у нее прекрасный тембр и сильное звучание. «Наверное, — думаю, — у многих музыкальных инструментов прекрасный тембр и сильное звучание. Не станет же директор школы говорить просто так. Помню, в Кремле...»

— Ну как, согласен? — перебил мои мысли Геннадий Максимилианович.

Что мне оставалось делать? Пришлось согласиться.

Но на всякий случай я спросил:

— А можно на будущий год перейти в класс фагота?

— Тебе, я вижу, ни за что не хочется расставаться с фаготом?

— Не хочется.

Геннадий Максимилианович немного подумал и сказал:

— Ну ладно. Зайди ко мне в конце недели.

Эх, если бы я знал, чем все это кончится! Но я не очень-то обратил внимание на последние его слова и стал размышлять: «А чего мне, собственно, упрячиться? Может, это единственная возможность избавиться от фагота. Мо-

жет, мне просто привалило счастье. Как знать? Зачем мне настаивать? Тем более, на кларнетах и в военных оркестрах играют. Значит, кларнет очень важный инструмент...»

Я пошел к ребятам, чтобы посоветоваться. Встретил Костю, рассказал ему про кларнет. А он:

— Ничего, гудошник, дуй в свой кларнет, нам не жалко! «Тебе-то что! — подумал я. — Ты ловко устроился. А как отнесется к этому дирижер? Вдруг Женька заупрямится и начнет ругаться, что я нарушил уговор. А потом, чего доброго, не пустит в свой оркестр!»

Нашел Женьку.

— Жень, — говорю жалобным голосом, — с фаготом-то все покончено... До будущего года. Нет такого класса... Что я — виноват?

— А ты разве на фаготе собирался играть? — как ни в чем не бывало спросил Женька.

«Ах, вот как! — разозлился я. — Значит, никому до этого нет дела? Тогда чего я переживаю?»

И в тот же день мы с мамой отправились в магазин «Музыка».

— Ну, что я вам говорил? — проворчал продавец. — Старших надо слушать. Я же советовал вам сразу брать кларнет.

Мы обменяли фагот на кларнет, и я, очень довольный, побежал в музыкальную школу.

— Хочу тебя обрадовать, — сказал мне Геннадий Максимилианович. — Мне удалось договориться с одним музыкантом-фаготистом, который со следующей недели начнет с тобой заниматься на фаготе.

— Спасибо, — сказал я и чуть не выронил из рук футляр с кларнетом.

— Но учти: все это я затеял не только ради тебя. К концу года я решил разучить одну оркестровую пьесу, вернее, небольшую симфонию, где есть несложная, но очень важная партия для фагота. Всего несколько звуков...

— Несколько звуков разве так важно? В целом оркестре?

— А ты думал! Представь себе картину: опушка леса,

дорога, речушка с маленьким мостиком, много-много солнца, а на небе крохотная, еле заметная тучка. Стоит человек и обеспокоенно смотрит на эту тучку. Может, она грозовая?.. А если мы уберем тучку? Все настроение картины изменится...

«Ну конечно! — подумал я. — Чего человеку смотреть на небо, раз там даже тучки нет... Пусть я буду маленькой тучкой и предупрежу всех, что будет гроза!»

— Смотри не подведи меня, — сказал Геннадий Максимилианович. — Заниматься тебе придется много.

Я очень обрадовался, что скоро попаду в школьный оркестр. Обменяем кларнет на фагот — и готово дело!

Об этом я сказал маме сразу же, как только вернулся домой.

— Да ты что! — возмутилась мама. — Никуда я больше не пойду. Хватит с меня. Сейчас позвоню директору школы и...

Тут раздался телефонный звонок. Я поднял трубку и услышал:

— Федя, это ты? Говорит Геннадий Максимилианович. Попроси, пожалуйста, кого-нибудь из родителей.

Я сунул трубку за пазуху и зашипел:

— Мама, ни в коем случае не возражай против фагота. В картине нужна грозовая тучка... Понимаешь? Я из-за тебя в оркестр не попаду! Ну, пожалуйста!

— Дай сюда трубку, тучка грозовая, фантазер бестолковый! — прошептала мама, а в трубку сказала громко:

— Алло, я слушаю...

Моя судьба решалась вот так:

— Бур-бур-гур-гур... — верещала трубка.

— Да, — отвечала мама. — Да-да... А-а!.. Неужели?

— Гур-бур-бур-гур...

— Да-да... Да-да-да... А-а!

— Бур-бур-бур-бур-бур-бур-гур-гур-гур-гур-гур...

— Да-да-да-да... да-да-да-да...

— Бур!

— Хорошо.

— Гур!

— Конечно.

— Бур-гур!

— И я так думаю... Всего хорошего!.. Уговорили, — сказала мама, кладя трубку на рычаг. — Собирайся в магазин.

Что творилось в магазине!

Продавец категорически отказался менять кларнет на фагот. Прибежал заведующий и кричал, что нужно сначала как следует разобраться, а потом делать покупки...

Моя мама человек покладистый и терпеть не может скандалов. Поэтому она быстро уладила дело.

— Хорошо, — сказала она. — Выписывайте чек. Мы покупаем и фагот.

Теперь у меня были и фагот, и кларнет.

Дома мама долго вертела в руках кларнет и наконец сказала:

— Что теперь с ним делать?

Она обтерла мундштук чистой тряпочкой и что было силы дунула в него. Кларнет так взвизгнул, что наш кот Минька свалился с табурета, и шерсть его стала дыбом от хвоста до кончиков ушей.

— Ха! — сказала мама. — Получается!

Я же говорил, что мама у меня человек веселый, хотя и научный работник!

— Ты немного тише дуй, — посоветовал я. — Тогда, может, появится прекрасный тембр и сильное звучание.

— Так? — спросила мама. — Сейчас попробую...

И у нее, честное слово, получилось!

— Очень хорошо, — обрадовался я. — Из тебя наверняка получится хорошая кларнетистка!

— Да? — сказала мама и как-то странно посмотрела на меня.

Вечером она вдруг говорит папе:

— Я решила: буду учиться играть на кларнете.

— Что ты! — удивился папа. — А как же диссертация?

— Одно другого не исключает, — сказала мама и засмеялась, а это означало, что она говорит вполне серьезно. — Вот посмóтрите, — сказала она мне и папе. — На-

учусь играть на кларнете и тоже попаду в оркестр. Ну, может быть, не к Женьке Тюневу... У нас при Доме ученых есть свой самостоятельный симфонический оркестр.

«ТАК ДЫШАТЬ — ТОЛЬКО НЕБО КОПТИТЬ»

Мой учитель музыки — Юрий Анатольевич — оказался человеком разговорчивым и жизнерадостным. Он рассказал мне много интересного. Например, я узнал, что половина человечества дышит неправильно. Я, конечно, оказался в этой половине и совершенно неправильно пользовался грудью, животом и диафрагмой. И вообще Юрий Анатольевич сказал: «Так дышать — только небо коптить, а не то что на фаготе играть!»

Я поделился этой новостью с Женькой, и он удивленно воскликнул:

— Ну да!

— Да, да, — говорю. — Думаешь, это так просто — вдох да выдох? Пока я не узнал про секрет дыхания, считай, что и не жил на свете. Поражаюсь, как я до сих пор не помер!

Я стал немедленно учить Женьку дышать. Велел ему набрать грудью побольше воздуха. Смотрю, а у него живот выпятился. Я ему говорю, чтобы он перегнал весь воздух в легкие, какая, мол, в животе грудь? А Женька — никак. Покраснел весь, глаза выкатил, а толку никакого. Тогда я ткнул его кулаком в живот. Женька охнул и выдохнул.

Пришлось начинать сначала.

Мучился я с Женькой, мучился и под конец, когда кое-что начало получаться, смотрю — он еле на ногах держится, а дышит так, словно пробежал без отдыха по меньшей мере пять километров по пересеченной местности.

— Да ну тебя! — сказал он наконец. — Лучше я буду небо коптить...

Только он это произнес, как перед моими глазами что-то замелькало, словно где-то рядом разорвали подушку и выпустили из нее пушинки.

— Смотри, Федя! — обрадовался Женька. — Снег идет!

На самом деле, несмотря на яркое солнце, в воздухе закружились, завертелись, заплясали снежные звездочки. С каждой секундой они становились все крупнее и крупнее, и вскоре ничего нельзя было разобрать и в трех шагах.

Снегопад прекратился так же внезапно, как и начался. На земле не осталось ни единой снежинки. Асфальт блестел, будто прошел дождь. Зато в лицо дохнул морозный ветерок, и я сказал:

— Скоро будем на коньках кататься.

— Это еще когда! — ответил Женька. — Ведь только начало октября. Впереди ноябрь и полдекабря — раньше каток не заливают.

— Все равно скоро, — повторил я и понял, что сейчас у Женьки на уме другое. — Жень, — говорю, — может, расскажем все твоим родителям?

— Что ты, Федя! И думать об этом нечего! Это тебе не шуточки — целых десять рублей!

— Между прочим, — сказал я, — если хочешь знать, то стекло уже вставили. Может, все давно забыто?

— Так тебе и забыто, — ответил Женька.

— А у меня дневник есть, — сказал я. — Смотри, какой новенький! И расписание...

— Это всего-то три урока в неделю? — воскликнул Женька, заглядывая в дневник.

Расписание для младших классов в самом деле было до смешного коротким. В него входило три предмета: СПЕЦИАЛЬНОСТЬ, СОЛЬФЕДЖИО и ХОР.

Я рассказал Женьке, как мы спорили с ребятами, когда впервые читали названия предметов, и как вначале важничал Васька.

— Раз «специальность», — сказал он тогда, — я — человек независимый!

— Быстро устроился, — усмехнулся Костя.

— Да это просто названия предметов, — вмешался Сережка. — Чего спорить? Мне давно дед объяснил: названия придумали, чтобы путаницы не было. Нельзя же пред-

меты именовать просто: контрабас или фагот. Что это за предмет такой — фагот? Курам на смех! А специальность — это главное, чем каждый из нас будет заниматься...

Я рассказывал, рассказывал, потом смотрю — Женька перестал слушать мою болтовню.

— Ладно, — сказал он. — Я пошел. Пора за уроки приниматься.

ЕСТЬ ИДЕЯ!

«Что же получается? — думал я. — Все мы ходим как ни в чем не бывало в музыкальную школу, а наш дирижер так и останется неучем? Неужели я, его лучший друг, буду сидеть сложа руки и ждать, пока Женька сам выпутается из этого положения?»

После долгих размышлений я наконец обратился к ребятам.

— Слушайте, — говорю. — А Женька ведь так и не учится...

— Потрясающая новость! — сказал Костя. — Расскажи еще что-нибудь интересненькое.

— Нет, я без шуток.

— А если без шуток, — сказал Васька, — то хорош гусь твой Женька, нечего сказать. Всех нас заставил учиться, а сам в кусты.

— Чего ты разворчался? — говорю Ваське. — Ты думаешь, Женьке не хочется учиться, чтобы стать дирижером? Сам ты гусь и ничего не соображаешь.

Тут-то я и выставил свой главный козырь.

— Ребята, — говорю, — у меня есть идея: давайте заплатим за разбитое стекло и попросим Геннадия Максимилиановича, чтобы он принял Женьку в школу.

— Верно! — воскликнул Сережка.

— Верно-то верно, — сказал Костя. — А деньги где взять?

— Я все хорошо продумал, — говорю. — Завтраки и мороженое...

— Мороженое? — переспросил Васька и облизнулся.—
Какое мороженое?

— Будем экономить на завтраках и мороженом. С голоду умрем, что ли? С каждого в день по десять копеек. Постепенно и соберем.

Сережка без лишних слов полез в карман и вытащил несколько монеток. Сдув с них крошки, он протянул их мне.

Васька тоже вытащил что-то из кармана, отвернулся от нас, долго возился, потом протянул два медяка, каждый по копейке.

Я посмотрел на Костю.

Тот стоял и сосредоточенно рассматривал носки ботинок.

— Что же ты, Костя? — говорю.— А ведь Женька о тебе заботился, контрабас доставал.

— Тоже мне забота! — фыркнул Костя. — Контрабас ваш мне теперь и не нужен. Отец собирается им самовар растопить.

Я так и подскочил:

— Пусть только попробует! Ведь расписку кто давал? Моя мама! Верни контрабас! И немедленно!

— Ну и верну. А денег у меня все равно нет.

Мы демонстративно отвернулись от Кости.

— Значит, Федя, кто у нас будет за кассира? Ты, что ли? — спросил Сережка.

Я в ответ замахал руками:

— Да ну вас, ребята! Порастеряю я эти медяки, а потом отвечай. Моя идея, а кассиром пусть будет другой.

— Я буду кассиром, — сказал Гриша.— Соберу деньги и куплю себе железную дорогу.

— Видали? — вскричал Васька. — Не-ет! Своих денег я ему не доверю.

Он на всякий случай отобрал у меня две копейки и сунул их обратно к себе в карман.

Я немного помолчал, немного подумал и предложил:

— Может, попросим дядю Степу? Он сам и отдаст потом деньги Геннадию Максимилиановичу.

— Правильно! — подхватил Сережка. — И надежно!

Дядя Степа выслушал нас внимательно. Что-то прикинул, пошевелил рыжими усами, подсчитал в уме и на пальцах и наконец сказал:

— По моему разумению, не лизать вам мороженого, не кушать пирожков да не ходить в кино месяц, а то и больше. Не пропадете?

Васька вздохнул:

— Тяжеловато...

— Брось, Васька, на самом деле! — прикрикнул я на него. — Ведь договорились!

— Ладно. — Васька вздохнул еще раз. — Я что? Я не возражаю... Только, чур, начнем завтра. Сегодня, говорят, новое кино идет!

— А воля у тебя есть? — спросил я Ваську.

— У меня-то? — Васька возмутился. — На́ вот, держи! — И отдал мне все деньги, какие у него были. Даже карман наизнанку вывернул.

Я все передал дяде Степе, и тот, крякнув, поплевал на наш первый взнос.

— С почином! — сказал он. — Приходите хоть каждый день. Если дома не застанете, заворачивайте в бумажку и бросайте в форточку — первый этаж, не промахнетесь. Эх, звери-кролики, хорошие вы люди!

Мы уходили от дяди Степы гордые до невероятности. Я не знаю, почему, но стараться для другого гораздо интереснее, чем для самого себя. Хорошо, когда радуется твой товарищ! Костя плелся следом за нами, но никто не разговаривал с ним, словно его на свете не существовало.

Расставаясь, Васька сказал, что готов не ходить в кино хоть три месяца, а от мороженого отказывается навсегда!

Подняв воротник пальто, он, не прощаясь, покинул нас.

Правда, часика через два-три, когда мама послала меня в булочную, я заметил Ваську у будки «Мороженое». Увидев меня, он сконфузился и судорожно задвинул в рот брикет мороженого, словно ящик письменного стола.

«Ладно, — думаю, — мне-то что? Лишь бы аккуратно делал взносы, а на остальное плевать! Жаль мне, что ли? Пусть себе ест!»

А на обратном пути из булочной около нашего подъезда меня подстерегал Костя. В руках у него был контрабас. — Держи, — сказал он и без лишних слов сунул мне в руки контрабас.

Я подхватил контрабас и с трудом приволок его домой. Мама чуть в обморок не упала. Она решила, что я поменял фаянс на контрабас.

Мы долго носились с контрабасом по квартире, не зная, куда его деть. Наконец нашли уголок у папы в кабинете. Туда и пристроили старого беспризорника.

Когда папа пришел с работы и направился в свой кабинет, мы с замиранием сердца ждали, чем все кончится. Но папа не сказал ни одного слова, будто ничего не произошло. А через несколько дней он принес домой сверток, в котором оказался столярный клей, бутылочки с лаком, струны, новая подставка и еще какие-то непонятные для меня детали.

И молча принялся за дело...

ВАСЬКИНА ВИОЛОНЧЕЛЬ

Наши ребята, должен сказать, здорово изменились за последнее время. Даже Гриша. Он гораздо меньше пристава к нам. Не то чтобы совсем оставил нас в покое, а давал довольно длительные передышки. Правда, всем нам казалось удивительным, что его так, запросто, приняли в музыкальную школу: песню-то, по-моему, он пел не очень... Но Геннадий Максимилианович сказал, что людей, неспособных заниматься музыкой, не существует в природе. И что слух — дело наживное, если им, конечно, по-настоящему заняться, то есть развивать, как память, волю и так далее. И чем раньше, тем лучше.

Ну, а за Гришу взялись вовремя — это факт!

Сережка тоже примирился со своей участью. Он усердно занимался на скрипке под руководством счастливого деда. Только я не пойму, что за удовольствие скрипеть с утра до вечера без всякой музыки? Однажды мы с мамой слушали Давида Ойстраха. Вот здорово играет, ничего не

скажешь! Правда, я тогда уснул на концерте. Но это от того, что мне было не больше лет, чем Грише, и к тому же было поздно, а я привык засыпать вовремя.

Но Сережка скрипел и жаловался редко.

Они с дедом частенько уходили куда-то, а потом Сережка на переменках рассказывал нам всякие чудеса про какую-то центральную школу, где ребята Гришиного возраста играют почти так, как сам Ойстрах. По-моему, он врал, этот Сережка!

Костя же целый день торчал в музыкальной школе. Даже вредничать стал в два раза меньше. Он с остервенением перепиливал совершенно новенький школьный контрабас.

От него частенько можно было слышать: «Вот окончу музыкальную школу, поступлю в музыкальное училище и буду играть в джазе!»

А по-моему, это предательство. Сначала он должен поиграть в нашем оркестре, а потом идти в какой-то джаз.

Но Костя всегда верен сам себе, что с него взять? А возможно, он дразнит нас, чтобы мы с ним в конце концов заговорили.

У Васьки дела обстоят посложнее.

Однажды Васька пригласил меня на урок к своему учителю Вениамину Александровичу, тому самому старичку, который присутствовал на приемном экзамене.

Мы с Васькой заявили чуть ли не за полчаса до урока. Я думал, что Вениамин Александрович меня прогонит, а он ничего, даже внимания не обратил, словно так и нужно. Оказывается, это принято. Ученики могут ходить в любой класс и слушать что угодно: и фортепьяно, и скрипку, и контрабас, и виолончель. Главное, попросить разрешение, не шуметь и не мешать. А так сиди себе хоть целый день и слушай.

Учитель ходил по классу, заложив руки за спину, и слушал одного из своих воспитанников — подростка лет пятнадцати, с худым, бледным лицом.

Вениамин Александрович то хмурился, то улыбался, то отстукивал ногой такт, то тряс под музыку седой головой.

А мы только удивлялись.

Мы удивлялись тому, с какой ловкостью и быстротой ученик орудует смычком. Смычок у него скакал, прыгал, перебирался со струны на струну, извлекая самые разные звуки — плавные, певучие, острые, резкие, колючие.

И как только у него не путаются руки? Ведь правая водит смычком поперек струн, а левая ползет вдоль грифа. Да так, что локоть словно описывает круги. Это все равно что одной рукой водить вдоль туловища, а другой — поперек. При этом еще вычерчивать в воздухе локтем букву «О».

Я пробовал. У меня не получается.

Постепенно я стал прислушиваться к звукам виолончели. И тогда мне стало казаться, что это вовсе не виолончель, а человеческий голос.

Васька тоже присмирел и весь превратился в слух.

Когда ученик взял последний аккорд, Вениамин Александрович победоносно посмотрел на нас и сказал:

— Это игра уже не ученика, нет! Это — исполнение без пяти минут музыканта!

Я уставился на «без пяти минут музыканта» и сразу обратил внимание на его руки. Кисти были длинные, напряженные, с мозолями на кончиках пальцев.

До сих пор я видел мозоли на ладонях. Я сам однажды чуть не заработал мозоль. Мы копали на школьном дворе ямочки для саженцев, и я натер себе ладонь.

Я очень гордился, что у меня на ладони мозоль, и всем ее показывал. А мама увидела и сказала:

— Это волдырь.

Я обиделся и упрямо заявил:

— Мозоль.

Но мозоль к утру лопнула. Тогда я подумал, что заработать хорошую, твердую мозоль не так-то просто. Тут одними ямочками для саженцев не отделаешься!

Сколько же трудился «без пяти минут музыкант», чтобы нажить такие замечательные мозоли?

Вениамин Александрович посмотрел на часы и сказал ему:

— У меня есть минут пятнадцать до следующего урока. Пойдем-ка и обыграем программу в зале. Тебе ведь скоро выступать! — И к Ваське: — А ты располагайся здесь. Приготовь инструмент, канифоль, пульт, ноты. Привыкай!

Мы остались одни. Васька мигом взял в руки виолончель и стал выделывать смычком те же фокусы, что и старшеклассник Вениамина Александровича.

Но Васькина виолончель огрызалась, сипела, хрипела — словом, возмущалась вполне справедливо и от всей души. А что у виолончели есть душа, я теперь не сомневался. Конечно, если заглянуть внутрь, то ничего не увидишь, кроме душки — круглой палочки, стоящей поперек корпуса инструмента. Но душка — это еще не душа. Мама говорит, что виолончельную душу можно лишь почувствовать. А по моему, еще и услышать. Я, например, совершенно ясно слышал виолончельную душу. Иначе почему ее голос так волнует?

Хотя если судить по Васькиной виолончели, то в ней находилась не душа, а кошка с собакой, да обе с дурным характером.

Ваську это злило, и он с еще большей яростью тер смычком струны, пока в класс не вбежал Вениамин Александрович.

— Ты с ума сошел! — крикнул он. — Разве так обращаются с инструментом!

— А чего она не играет? — хмуро сказал Васька.

Вениамин Александрович перестал сердиться:

— Заиграет, Вася. Обязательно заиграет. Наберись только терпения и занимайся. Да запомни: в нашем деле нужны любовь к музыке, терпение и труд. И виолончель у тебя запоет!

Не знаю, как обстояло дело у Васьки с любовью, но с трудом и терпением у него были явные нелады. Хотя он часто потом говорил мне, что ходит на уроки по специальности с большим удовольствием. А вот дома у него с виолончелью довольно сложные отношения.

Дело в том, что Васькин отец работал в депо в ночную смену, а днем отдыхал. А Васька обязан был в это время

заниматься на виолончели. И постепенно Васькин отец так привык спать под звуки виолончели, что иначе, кажется, и не смог бы. Виолончельные звуки стали для него чем-то вроде снотворного.

Васька рассказывал: стоило ему хоть на минутку снять смычок со струны, как отец тут же просыпался и кричал из соседней комнаты:

— Гамму играй, Васька, гамму!

Васька вновь принимался за гамму.

Что-то скрипучее медленно ползло вверх, по пути спотыкалось, останавливалось, снова двигалось и снова со скрипом глотало ноту за нотой — это и была гамма в исполнении нашего приятеля.

Иногда Васька терял всякое терпение.

— Эх, мучение ты мое! — восклицал он и лягал виолончель ногой.

А виолончель такие фокусы не любит — гамма становилась еще фальшивей.

А тут еще Васькин отец взял за привычку ставить меня в пример.

— Смотри на Федю, учись! — говорил он. — Целыми днями в фагот дует — не оторвешь!

Я краснел. Я сам ужас как не люблю, когда мне кого-нибудь тычут в глаза. Я начинаю ненавидеть такого примерного мальчика или девочку.

Наверное, и у Васьки шевелились недобрые мысли, потому что однажды, после очередного конфликта с отцом, он взял да и вытолкнул меня за дверь.

Я спустился во двор и долго еще слушал, как наверху негодовала Васькина виолончель...

Я КОЕ В ЧЕМ РАЗБИРАЮСЬ...

Юрий Анатольевич был строгим учителем. Я занимался много, хотя порою, вроде Васьки, бранил свой фагот. Во всяком случае, я понял — научиться чему-нибудь по-настоящему не так-то просто. Вот в августе, когда мы толь-

ко-только переехали в новый дом — еще даже Женька не переселился, — я решил стать пожарником. Думаю, надо брать сразу быка за рога — главное, не бояться высоты. И начал тренироваться: забрался с нашего балкона по пожарной лестнице до уровня седьмого этажа, глянул вниз и только тут понял, что погибаю.

Я так вопил, что дядя Степа, бросившийся мне на помощь, чуть не оглох и едва отодрал меня от железных прутьев.

Словом, чтобы стать хорошим специалистом — прав Васькин учитель! — нужны любовь, терпение и труд. И еще — знания.

Женька со мной согласен. Профессия дирижера очень трудная. Это тебе не по пожарным лестницам лазить. Если дирижер — генерал музыкального войска, то разве он может быть неграмотным? Как же он поведет свою армию в бой и выиграет сражение? Когда я спросил об этом Юрия Анатольевича, он согласился со мной и сказал, что дирижер должен видеть дальше, слышать лучше, знать больше, чем все остальные оркестранты, вместе взятые. А иначе пусть лучше и дирижерскую палочку в руки не берет, все равно ничего не получится!

Конечно, Юрий Анатольевич прав. Вот Геннадий Максимилианович собирается дать мне в руки тучку грозовую, то есть, я хочу сказать, партию для фагота. Я еще и не подозреваю, что это такое, что мне предстоит играть и что будут играть другие инструменты, скажем, какая-нибудь вторая скрипка на самом последнем пульте. А он все знает заранее, даже за несколько месяцев вперед!

Ну что там говорить? Учиться надо — это факт!

Я, например, без году неделя, как учусь в музыкальной школе, а уже кое в чем разбираюсь. Вы думаете, что всякая музыка доходит сразу? Ничего подобного. Чтобы научиться ее понимать, нужно много раз подряд слушать одно и то же. Не мешает также узнать, что про нее люди говорят. Почитать о ней в разных книжках. Потом еще и еще раз послушать, пока каждый звук не станет для тебя добрым знакомым. Тогда и расстаться с этой музыкой не

захочешь. Так и будет тянуть послушать еще разочек. Это уж точно!

Ну конечно, бывает музыка, которая сразу доходит. И мудрить-то тут нечего. Я вот однажды услышал на школьном концерте коротенькую пьеску под названием «Бурре» композитора Моцарта. Она мне так понравилась, что я стал тут же узнавать: а для чего написал ее Моцарт? И узнал, что это очень старинный французский танец. Мне представилось, что исполняет танец какой-то маленький грустный человечек. И вовсе не хочется ему танцевать. Но его заставили. Вот он волей-неволей и танцует.

Я даже на фаготе пытался сыграть этот танец.

Одним словом, если нравится — значит, доходит!

Но если не нравится, сразу говорить, что музыка плохая, тоже нельзя. Сначала надо разобраться, что к чему, а потом уже судить...

Словом, я теперь кое в чем разбираюсь, не то что раньше.

Вчера говорю Женьке:

— Знаешь, Жень, что такое нотный стан, диез или бемоль?

А он хлопает ушами. Разве это дирижер?

Сегодня я ему:

— Представляешь, оказывается, кроме скрипичного ключа, есть еще и басовый!

Женька таращит глаза и опять ровным счетом ничего не понимает. Конечно, где ему все это знать, если он, кроме ключей от квартиры, никаких других и не видел.

Я окончательно задрал нос и говорю:

— Знаешь ли ты, что такое а м б у ш ю р?

Женька разозлился и заявил, что плевать он хотел на мой амбу... как это? Он, мол, скоро такое узнает, чего мне и во сне не приснится!

И Женька сказал мне по секрету, что будто где-то по соседству есть еще одна музыкальная школа. И завтра же он поедет поступать в ту школу... Какая, мол, разница? Лишь бы стать дирижером!

— Возьми и меня с собой, ладно? — попросил я.

МЫ ОТПРАВЛЯЕМСЯ НА ПОИСКИ

Женька охотно согласился, и мы после уроков отправились на поиски той, другой музыкальной школы.

— Далеко она? — спросил я.

— Совсем недалеко.

Женька вытащил из кармана бумажку с адресом:

— Это мне в справочном дали. Тут все подробно написано.

Мы промчались две остановки на метро. Прокатились немного на автобусе. Проехались на троллейбусе и пересели на трамвай.

Когда мы добрались до цели, мне захотелось есть.

У Женьки в портфеле нашелся бутерброд с сыром, который мы разделили поровну и мигом уничтожили.

К директору школы нас пропустили сразу.

А директором здесь была директриса.

Она выслушала нас, узнала, где мы живем, и очень удивилась:

— Да что вы, ребята, ездить в такую даль! У вас же под боком прекрасная новая школа. И Геннадий Максимилианович чудесный человек. Вы у него были?

— Были, — сказал Женька. — То есть был Федя... Его приняли в школу, а меня... Еще не проверяли...

— Хочешь, я позвоню Геннадию Максимилиановичу и попрошу, чтобы он тебя прослушал?

— Нет! — вырвалось у Женьки.

— Почему?

— Там дикий конкурс, — соврал я и покраснел.

Директриса испытующе посмотрела на Женьку.

Женька повернул голову к окну и сделал вид, что заинтересован происходящим на улице. Но уши у него горели, словно после хорошей трепки.

Директриса вдруг улыбнулась. Может, она поняла, что дело тут нечисто? Во всяком случае, она и виду не подала, а спокойно сказала:

— Тебя как зовут... Женья? Поверь, Женья, ездить тебе сюда не имеет смысла. Сил не хватит, и никакой учебы не

получится. А послушать я тебя с удовольствием послушаю...

Директриса увела Женьку в один из классов, а меня попросила подождать.

Женька вернулся не скоро.

А когда вернулся, я его просто не узнал, такой он был мрачный.

— Что случилось? — спросил я.

— Не приняли... — нехотя ответил Женька.

Всю обратную дорогу он молчал. Потом вдруг полез за пазуху и вытащил конверт:

— Видишь: Людмила Николаевна велела передать Геннадию Максимилиановичу.

— Какая Людмила Николаевна?

— Директриса.

Женька посмотрел конверт на свет:

— Я все думаю, что там написано...

— Может, Жень, она догадалась, что мы что-то натворили, и написала об этом Геннадию Максимилиановичу?

— То-то и оно, — вздохнул Женька. — Я тоже подумал: может, она догадалась...

Добравшись домой, мы собрали ребят и стали сообща гадать о содержании письма.

Каждый по очереди вертел конверт в руках и рассматривал на свет. И каждый читал вслух надпись:

ГЕННАДИЮ МАКСИМИЛИАНОВИЧУ

(лично)

Даже Грише позволили немного подержать письмо.

— Чего зря время терять, — сказал Васька. — Давайте вскроем конверт.

— Еще чего! — ответил Женька. — Тут же написано: «Лично».

— А чего особенного? Ничего особенного. Письмо написано про тебя. Мы только прочтем и передадим лично Геннадию Максимилиановичу.

— Как же прочтем, если конверт запечатан?

— Очень просто. Вы что, никогда не видели, как в кино распечатывают секретные донесения? Подержат над паром — и готово дело! Пошли ко мне, у нас сейчас дома никого нет.

Женька заколебался, но любопытство взяло верх, и он последовал за Васькой.

ПИСЬМО В НАДЕЖНОМ МЕСТЕ

Чайник кипел вовсю. Васька, обжигая пальцы, вертел над паром конверт и приговаривал:

— Сейчас откроется как миленький...

Конверт немного набух и покоробился.

Васька сказал:

— Пора! — и стал тянуть за уголок.

Бумага легко подалась. Но только лишь сантиметра на два-три. Дальше дело не пошло, хоть Васька и пытел, словно паровоз.

— Ножиком попробуй, — сказал Сережка. — Сразу отклеится.

Васька взял в руки кухонный нож, просунул его в образовавшуюся щель и резанул.

— Ай! — воскликнул Женька, но было уже поздно. Нож, минуя места склейки, разрезал конверт до самого верха и еще дальше, вдоль изгиба. — Что ты наделал?!

— В кино всегда отклеивается, — растерянно сказал Васька.

— «В кино, в кино!» — передразнил Женька и отобрал у него письмо.

— Теперь все равно, — сказал Сережка, сгорая от нетерпения. — Раз уж так получилось, давайте прочтем.

— Женька! — взмолился я. — Лучше отдать письмо, пока не поздно!

— И правда, — согласился Женька. — Отнесите его Геннадия Максимилиановичу.

Женька подклеил уголок, прогладил конверт теплым утюгом, и мы пошли в школу — я, Сережка и Васька. За нами, как всегда, увязался Гриша.

У самой школы Сережка остановился и говорит:

— Покажи-ка мне, Федя, письмо.

Сережка взял у меня конверт, повертел его в руках и пробормотал:

— Что же там написано?

— Не смей, Сережка! — только и успел воскликнуть я.

Сережка отбежал в сторону и через надрез, сделанный Васькой, без особого труда вытащил из конверта небольшой листок.

Вот что там было написано:

Уважаемый Геннадий Максимилианович!

Я прослушала у себя Женю Тюнева. Он пел мне «Орленка», и я, признаюсь, получила большое удовольствие. Рекомендую его и даже ходатайствую. Мальчик он, безусловно, музыкально одаренный. Только ведет себя странно. Почему он обратился в нашу школу? Очень прошу — разберитесь и обязательно позвоните мне потом.

Людмила Николаевна.

— Видали? — победоносно сказал Сережка. — Хорошо, что мы не отнесли письмо Геннадию Максимилиановичу. Он сразу бы отыскал Женьку. Давайте его пока спрячем...

— Это плохое письмо? — спросил у меня Гриша.

— Хорошее, — ответил я.

— Геннадий Максимилианович примет Женьку, если прочтет его?

— Теперь-то уж примет. Обязательно примет, — рассеянно сказал я и подумал, что Сережка прав: письмо надо спрятать на несколько дней, а потом передать его Геннадию Максимилиановичу вместе с деньгами за стекло. Так лучше: семь бед — один ответ!

— У меня есть тайник... — сказал Васька и оглянулся на Гришу. — Ты, Гриша, уходи отсюда. Нечего тебе здесь делать...

Гриша надулся, засопел и нехотя поплелся прочь.

А Васька привел нас к стене дома, выходящей на пустырь, и показал большую дыру между двумя кирпичами. Это пространство, случайно при строительстве не заполненное раствором, и было Васькиным тайником. Надежное место, ничего не скажешь!

Мы сложили конверт вдвое и засунули в дыру. Потом тщательно заложили ее мелкими камушками.

И тут я заметил, что за нами из-за угла подсматривает Гриша.

Я погрозил ему кулаком, и он тотчас исчез.

— Кому ты это? — спросили меня ребята, озираясь по сторонам.

Я промолчал.

БОЙКОТ ОБЪЯВЛЕН И ОТМЕНЕН

Не откладывая дела в долгий ящик, я отправился к дяде Степе. Может, думаю, денег накопилось достаточно и пришел конец нашим мучениям? И вообще, пора кончать всю эту канитель. Нужно возместить убытки, нанесенные школе, а потом пойти всем вместе к Геннадию Максимилиановичу, отдать письмо и рассказать все, как есть. Это куда лучше, чем врать на каждом шагу и вечно дрожать от страха.

Прихожу к дяде Степе и не успеваю слова вымолвить, как он говорит:

— А этот ваш... толстый такой, он что, ангинку прихватил?

— Васька-то? — спрашиваю. — Не-ет, он у нас никогда не болеет.

— Он чегой-то деньги вторую неделю не бросает в окошко. Твои да Серегины я часто подбираю, а этот словно в воду канул...

Я задумался.

Потом меня вдруг осенило:

— Ах ты, виолончель толстомордая! Ну, погоди!

Я мигом разыскал Сережку и все ему рассказал.

— То-то он от меня бегаёт,— сказал Сережка.— Я ему: «Вася, Вася», а он: «Спешу, мне нужно на виолончели заниматься!»

В это время к нам подошел Гриша. Узнав, в чем дело, он сказал:

— А мне Васька говорил, чтобы я никому не ябедничал, как он ест мороженое. Он и мне отламывал по кусочку. По ма-аленькому.

Сообщение Гриши вызвало у нас новый приступ негодования.

Обсудив все как следует, мы решили выследить Ваську и поймать его на месте преступления.

Мы установили посты у ближайших лотков с мороженым и, танцуя от холода, посылали друг другу устные депеши.

Связным был Гриша. Он бегал от меня к Сережке, а от Сережки снова ко мне.

И вдруг, когда мы окончательно посинели от холода, Гриша сообщил на мой пост:

— Я видел Ваську! Он там, в парадном. Ест мороженое...

Уж не знаю, как Васька умудрился обвести нас вокруг пальца, только молодец Гриша. Если бы не он, мы бы потеряли еще немало времени. Все-таки и от Гриши иногда бывает толк!

Через минуту Васька был пойман.

Он вытирал о пальто липкие пальцы. Сережка схватил его за рукав:

— Попался, обжора, предатель!

— Чего пристал? — вскрикнул Васька.

Он сразу понял, какая опасность ему угрожает, поэтому вел себя особенно нахально. Но нас не проведешь!

— А ну, покажи язык, — потребовал я.

— На, смотри!

Васька показал мне кукиш и, вырвавшись, бросился наутек.

Мы его догнали в конце переулка и повалили в сугроб.

Я и Сережка уселись на него верхом и чувствовали себя, как на вулкане.

— Покажи язык, тебе говорят! — вновь потребовал я.

— Чего пристали? — жалобно воскликнул Васька и плотно захлопнул рот.

Тогда я расстегнул ему пальто и принялся щекотать.

Сначала Васька терпел. А потом стал хохотать.

Сережка заглянул ему в рот.

— Конечно, — сказал он. — Весь язык инеем покрылся.

— Шоколадным? — спросил я, глотая слюнки.

Мне вдруг до смерти захотелось мороженого.

— Нет, — ответил Сережка. — Тринадцатикопеечным, сливочным.

— А ну его, — сказал я, — пойдете, ребята. Руки еще об него марать...

Вконец расстроенные, мы в этот день не отдали дяде Степе очередного взноса, а купили себе по брикету пломбира и долго обсуждали подлое Васькино поведение.

Грише, за особые заслуги, каждый из нас отломил по кусочку. Он с удовольствием съел мороженое, потом погрузился, повздыхал и сказал:

— А за что вы Ваську прогнали?

— Пойди, он тебе сам расскажет, — посоветовали мы Грише.

Ваське был объявлен бойкот.

На следующий день мы опять говорили о Ваське и ели мороженое, но когда это должно было повториться еще раз, я твердо сказал:

— Хватит. Так мы никогда не соберем денег. А Геннадий Максимилианович уже напал на Женькин след.

Мы разыскали дядю Степу, а он ошарашил нас новым сообщением:

— Ну, голубы, молодец этот ваш... тьфу! — все забываю! Ну, толстый: сразу три рубля принес. Еще немножко поднатужьтесь, звери-кролики, и дело с концом!

Потрясенные, мы долго ходили по пятам за Васькой и пытались заговорить с ним. Но он гордо отмалчивался. Наконец не выдержал:

— Вы думаете, что — у меня совести нет? Когда я ел мороженое, у меня, может, слезы текли из глаз...

— Откуда ты деньги взял? — спросил я.

— У меня теперь нет кошки... — страдальческим голосом сказал Васька.

— Неужели продал? — воскликнул я, хорошо знавший Васькину кошку по имени Рельса. — Она же у вас мышей боялась и вся облезлая была.

Васька покачал головой:

— Не продавал я ее. Отец мне в прошлом году аквариум купил и рыбок шесть штук — помните, это еще было в старом доме? Ну вот... А рыбки были не простые, а дорогие. Я их выловил, положил в банку с водой и отнес в зоомагазин. На Арбат ездил — вот куда! Там рыбки редко бывают в продаже. У меня их сразу купили и еще спасибо сказали.

— А Рельса обиделась и сбежала из дому? — спросил Сережка.

Васька не нашел нужным отвечать на глупые шутки. Он продолжал:

— Пришел с работы отец и говорит: «Куда, пакостник, рыбок подевал?» А я говорю: «Стал менять воду, а Рельса их съела». Отец рассердился и унес Рельсу обратно в депо...

— На перевоспитание?

— Не знаю. Только с тех пор я ее не видел.

— Жалко Рельсу?

— Жалко, — вздохнул Васька. — Бывало, так испаряет руки, что я по три дня не мог к виолончели прикоснуться...

— Ничего, Васька, — сказали мы ему. — Зато теперь еще немного — и Женька попадет в музыкальную школу. Это тоже кое-что значит!

— А я тебе котенка поймаю, — сказал Гриша, который все время жался к Ваське. — Тебе какого: серенького или в полосочку?

— Знаете что, ребята! — воскликнул я. — Давайте все расскажем Женьке. Чего он зря мучается?

— Нет, — ответил Васька. — Так неинтересно. Лучше подождем, пока он выучится на дирижера, потом как-нибудь скажем: «А ну, Женька, верни должок, что-то мороженого захотелось!» Вот удивится!

«ОРЛЕНОК»

А Женька тоже зря времени не терял. Он раздобыл большой лист ватмана, разрезал его пополам, потом склеил две половинки в длину и разложил на подоконнике. Поставил рядом пузырек с чернилами, взял в руки кисточку и принялся рисовать.

— Ба! — воскликнул я. — Да это же клавиатура!

— А для чего? — спрашивает Женька и отвечает сам себе: — Куплю самоучитель и буду тренироваться!

— Самому трудно научиться, — говорю. — Попроси Лену Мухину: она научит.

— Правильно!

Мы пошли к музыкальной школе. И словно угадали: на встречу выбегает Лена.

— Вот хорошо! — воскликнул Женька.

— Ой, мальчики, ничего хорошего нет!

И она рассказала, что через полчаса в клубе домоуправления начнется концерт, за который она отвечает. А исполнитель «Орленка» заболел. Татьяна Васильевна на уроке, Геннадия Максимилиановича нет, спросить не у кого, заменить некем...

— Что делать? Ума не приложу! Без «Орленка» ну никак нельзя!

Я вдруг вспомнил письмо директрисы Людмилы Николаевны, посмотрел на Женьку и сказал:

— Пусть он споет. Он может.

— Я?! Вы с ума сошли! Я сроду нигде не выступал.

— Это совсем не страшно, честное слово! — воскликнула Лена. — Женья, будь другом, выручай. Знаешь, как нужна песня!

Сначала Женька колебался. Потом согласился.

А Лена вдруг хлопнула себя ладонью по лбу:

— Нет, ничего не получится. Совсем забыла: программу концерта ведет Кузя.

— Опять этот Кузя! — воскликнул Женька.

В нем пробудился дух противоречия. Другой на его месте сразу бы отказался от этой затеи. А Женька лишь сощурил глаза.

— Мы его устраним, — сказал он.

— Устраним?

— Да. Я покупаю билет в кино. Вы говорите ему, что идет советско-итальянско-французско-японский фильм — дети до шестнадцати лет не допускаются! — под названием... Под названием... «Кровавая дорога».

— Такого фильма нет, — сказал я.

— И не было, — подтвердил Женька. — А ты слушай дальше и не перебивай. За пять минут до начала сеанса вы обменяете билет на право вести программу концерта. И дело в шляпе!

— А еще через пять минут, — сказал я, — Кузя прибежит обратно и поднимет такой шум!

Женька рассмеялся:

— Прибежит, не досмотрев кино? Такого не бывает.

— Женя, — сказала Лена, — ты настоящий психолог!

— Ага, — согласился Женька. — Готовься, Федя, вести программу концерта вместо Кузи.

— Нет, Женька, — сказал я. — Ты не психолог, а настоящий псих. Я ведь не умею объявлять. На сцене я двух слов не смогу связать. Я...

— Трус ты, вот кто, — ответил Женька. — Может, ты, Лена, после вступительного слова проведешь концерт? Этот — хуже девчонки.

Ах, так?!

Я поправил на носу очки и возмущенно сказал:

— Нет, программу буду вести я! Посмотрим, кто хуже девчонки: я или она!

У Женьки слово с делом не расходится. Слетав в кино-театр, он передал мне билет в кино.

Мы с Леной пошли в клуб домоуправления, куда уже

собиралась публика, разыскали Кузю и отозвали его в сторону.

— Слушай, Кузя, — говорю. — У нас в кинотеатре идет советско-итальянско-французско-японский фильм — дети до шестнадцати не допускаются! — «Кровавая дорога»...

— Ну-у?! — вскричал Кузя. — А вчера там другая картина шла.

— Так то вчера, — говорю, радуясь, что «клюнуло». — А сегодня — это не вчера. Правда, Лена?.. Вот у меня и билетик есть, видишь? На восемнадцать сорок пять.

— Эх, везет же дуракам! — сказал Кузя, глядя на билет, как зачарованный.

— Хочешь, я тебе его отдам?

— Мне? — Кузя глотнул слюну, не отрывая глаз от билета. — С чего бы, Очкарик?

— Ой, мальчики! — воскликнула Лена. — Такая картина, такая картина! Я сегодня успела посмотреть. Говорят, идет только один день. Там такая... кровавая дорога, просто прелесть!

— Думаешь, задаром? — продолжал я атаку. — Уступи мне место ведущего в концерте, а я тебе — билетик!

— Но Татьяна Васильевна поручила мне... — неуверенно сказал Кузя.

— А какая ей разница? Главное, чтобы ведущий был. Да и вообще Татьяна Васильевна ничего не узнает — у нее сейчас уроки в школе. А дежурному педагогу мы скажем, что у тебя срочно заболел живот.

— Вполне уважительная причина, — подтвердила Лена. — И совершенно безотказная.

— До начала сеанса осталась минута...

Кузя стал быстро-быстро перебирать ногами, словно уже мчался в кинотеатр.

— Давай-ка лучше, Федя, меняться с тобой... — протянула Лена. — Ты прочтешь вступительное слово. Вот здесь все записано. Почерк у меня разборчивый... Такое кино, такое кино!..

— Еще чего! — воскликнул Кузя. Он схватил билет, сунул мне программу концерта и был таков.

— Вот и избавились, — сказала Лена. — А теперь пошли, пора начинать.

Участники концерта толпились в маленькой комнатухе, заменявшей артистическую. Среди них был Женька. Он стоял возле пианино и вполголоса напевал «Орленка». Незнакомая мне пожилая женщина аккомпанировала Женьке и одобрительно кивала головой.

В артистическую заглянул Уточкин:

— Чего вы копаетесь? В публике волнение. Мне уже говорят, что в домоуправлении порядка нет! Скорее, скорее!

Лена пригладила волосы и приготовилась выйти на сцену. Она прокашливалась, прокашливалась и никак не могла прокашляться.

От волнения всегда так бывает. У меня, например, не только першило в горле, но еще дрожали коленки, чесалось все тело и мутилось в голове.

Я посматривал на Женьку. Ему тоже было не по себе.

Наконец Лена прокашлялась.

Она вышла к самому краю сцены и обратилась к слушателям.

Я ждал, что сейчас доклад пройдет как по маслу — быстро прочтется по бумажке, — и все.

Но у Лены в руках не было никакой бумажки. Лена сказала, чтобы слушатели представили себе, будто они не в клубе домоуправления, а... на фронте, в перерыве между боями! И будто приехала в холодную солдатскую землянку фронтовая концертная бригада...

Зал затих. Среди слушателей было много пожилых людей. Лица их были серьезны и сосредоточенны.

И я вообразил, что все это на самом деле происходит во фронтовой землянке. Даже дядя Степа, сидевший в первом ряду, вдруг представился мне бывалым партизанским командиром... Может быть, оттого, что из рассказа Лены я впервые узнал: песня «Орленок» была позывными у белорусских партизан...

Лена закончила свое вступительное слово.

Теперь настал мой черед. Нужно было объявить первый номер концерта: Женькино выступление.

Я сделал несколько бодрых движений, но почему-то остался на месте. Тогда меня толкнули в спину, и я выскочил на сцену, словно камень, пущенный из рогатки.

Очутившись перед лицом слушателей, я весь похолодел. Глянул в программу, открыл рот да так и остался стоять с разинутым ртом: в зале сидел Геннадий Максимилианович и внимательно следил за происходящим.

Это была ужасная западня: уходить было поздно. Нужно было спасти Женьку. Если Женька появится на сцене, то Геннадий Максимилианович его моментально узнает, и неизвестно, чем все это кончится. Может быть, скрывать Женькино имя?

Толком еще не зная, как лучше поступить, я начал объявлять:

— «Орленок». Песню исполняет... исполняет... исполняет...

— Не робей, — громко сказал с первого ряда дядя Степа. — Читай по бумажке!

— ...исполняет Ж-ж-ж-жоржик Тю-тю-тюрин!

Кажется, забыв закрыть рот, на негнущихся ногах я покинул сцену.

Навстречу мне уже шел Женька, а за ним — пожилая аккомпаниаторша.

Я схватил Женьку за рукав, но он вырвался, подошел к краю сцены и высоким, чистым голосом запел:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди...

Я прямо застыл от удивления. У Женьки был сильный, звонкий, красивый голос. Он пел легко и свободно. Голос его то замирал, то становился твердым и решительным, то казалось, что он не поет, а рассказывает. «Вот, — думаю, — про какую музыкальность написала Геннадию Максимилиановичу Людмила Николаевна!» Ай да Женька! Дружишь, дружишь с человеком, думаешь, что знаешь про него все, а потом — бац! — как снег на голову какое-нибудь открытие!.. Эх, до чего хорошо пел Женька! У меня невольно мурашки забегали по телу, и я на время забыл

о недавних своих переживаниях. Но потом, когда песня подошла к концу, я вновь вспомнил о том, что может сейчас произойти, и шепнул Лене:

— В зале Геннадий Максимилианович. И я сказал, что Женька — это не Женька, а Жоржик Тютюрин...

— Зачем ты это сделал? — удивилась Лена.

— «Зачем, зачем»... Откуда я знаю, зачем? А на сцену я больше не выйду — хватит с меня. Бери программу и объявляй сама!

В зале раздались дружные аплодисменты.

Раскрасневшийся Женька показался за кулисами.

— Слышите? — сказал он. — Хлопают.

— Бежим скорее! — воскликнул я и схватил Женьку за руку.

— Чего ты все время хватаешься! — отмахнулся Женька. — Дапусти ты меня, никуда я не пойду!

— Неужели ты не видел в зале Геннадия Максимилиановича?

Женька ойкнул и побегал за мной.

Очутившись на порядочном расстоянии от клуба, я рассказал ему все, как было.

Женька уставился на меня, а потом повернулся и молча пошел прочь.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

По вечерам, перед сном, мы обычно гуляли во дворе. Вот и сейчас мы собрались вместе и ждали Женьку.

Смотрим — Костя выполз из подъезда. И — к нам.

С тех пор как мы начали собирать деньги и Костя отказался принять участие, мы стали избегать его. Но он вечно лип к нам, хотя никто не собирался водиться с ним.

Мы отвернулись от Кости, а он рассердился и крикнул:

— Что вы, на самом деле! Честное слово, мне родители никогда денег не дают!

Никто не откликнулся.

А я подумал, что, может быть, Костя на самом деле не врет?

Хотел поделиться этой мыслью с ребятами, вдруг вижу — идет Геннадий Максимилианович, держит за руку Гришу и внимательно слушает его болтовню.

— Здравствуйте,— хором сказали мы Геннадию Максимилиановичу.

— Здравствуйте, здравствуйте,— ответил Геннадий Максимилианович, не глядя на нас.

— Здравствуйте, здравствуйте,— важно повторил Гриша.

Не задерживаясь, они прошли к Женькиному подъезду. и мы вдруг поняли, что не Геннадий Максимилианович ведет Гришу, а Гриша ведет Геннадия Максимилиановича.

Неужели к Женьке?!

Я проследил за ними. Так и есть: Гриша остановил Геннадия Максимилиановича возле Женькиной квартиры и сказал:

— Здесь.

Геннадий Максимилианович нажал на кнопку звонка.

Потрясенный, я скатился с лестницы и, выбежав во двор, все рассказал ребятам.

— Вот ябеда! — воскликнул Сережка.

— Кто бы мог подумать... — растерянно сказал Васяка, — чтобы Гриша...

— Воспитали на свою голову, — насмешливо сказал Костя, но никто не обратил на него внимания.

Не успели мы еще прийти в себя, смотрим — во двор выскакивает Женька.

— Катастрофа! — кричит. — Гриша привел к нам Геннадия Максимилиановича.

— Видели, — отвечаем хором. — А дальше, дальше-то что?

— Гриша показал на меня пальцем, — захлебываясь, рассказывал Женька, — и говорит: «Это он!» А Геннадий Максимилианович отвечает: «Узнаю, узнаю...» Потом говорит отцу: «Ваш сын еще не гулял? А погода сегодня прелесть — настоящий зимний день: снежно, морозно, словом, хорошо бы ему погулять...» Отец почуял что-то не-

ладное и выставил меня за дверь. Даже одеться как следует не дал.

— А Гриша?

— Я хотел было выманить Гришу, а Геннадий Максимилианович говорит: «Не беспокойся, ему и с нами будет неплохо». Видали?

— Давно надо было выкинуть его из нашей компании, — хмуро сказал Васька. — Какой нашелся!

— На самом деле, пусть и близко не подходит.

— Доверяй после этого дошкольникам.

— Ничего, мы еще с ним рассчитаемся...

Над Гришиной головой сгустились тучи. Мне стало его жаль, и я тихо сказал:

— Он еще маленький, может, не нарочно?

— Внимание! Сейчас Федя заплачет, — ехидно сказал Сережка.

— Видно, Геннадий Максимилианович пришел за штрафом, — удрученно сказал Женька.

Я отозвал Сережку и Ваську в сторону и шепнул им:

— Зачем зря Женьку томить? Давайте расскажем ему, что собрали почти все деньги. А недостающие нам и на слово поверят...

Но мы ничего не успели сказать Женьке: во дворе появился Женькин отец. Он взял Женьку за руку и сказал:

— Пойдем-ка, сынок, выяснять некоторые подробности твоей биографии.

Он увел Женьку, и последнее, что мы услышали, было:

— Почему ты скрыл от меня...

Дверь подъезда захлопнулась и проглотила остальные слова. Да и без слов все было понятно: мы были сражены, так сказать, брошены на обе лопатки.

— Надо было сразу Женьке все рассказать! — воскликнул Васька. — И чего ты, Федя, мямлил?

— А все Гриша...

— Письмо! — вдруг вспомнил я. — Гриша видел, как мы его прятали!

Мы бросились к тайнику. Письма там не было.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗНОС

Вернувшись обратно, мы принялись обсуждать посещение Геннадия Максимилиановича. А через некоторое время увидели его самого и быстренько спрятались за мусорные ящики.

Геннадий Максимилианович, крепко держа за руку Гришу, прошел в двух шагах от нас, а поравнявшись с ящиками, неожиданно приподнял шапку-пирожок.

— Спокойной ночи,— как ни в чем не бывало сказал он.

Соблюдая все меры предосторожности, мы крались следом за Геннадием Максимилиановичем в надежде, что тот отпустит Гришу. И я, откровенно говоря, не завидовал Грише.

Но Гриша был под надежной охраной: Геннадий Максимилианович довел его до самой двери квартиры, сдал его, как говорится, с рук на руки и ушел.

— Что теперь будем делать? — спросил кто-то.

— Пошли к дяде Степе, посоветуемся...

— Что толку? Он говорил, что еще трех рублей не хватает. Где мы их возьмем?

Костя, до этого не произнесший ни звука, вдруг сказал:

— Была не была! Ждите меня здесь. Я сейчас.

Он убежал, и мы принялись с нетерпением его ждать.

Прошло минут десять — пятнадцать.

— А ну его! — сказал Сережка. — Айда по домам.

— Может, еще подождем? — спросил я.

— Хватит, — сказал Васька.

— Просто дурачит нас, — подхватил Сережка. — А завтра будет дразнить...

Только он произнес последнее слово, смотрим — идет Костя. В руках несет что-то, завернутое в тряпку.

— Чего у тебя там? — с любопытством спросили мы.

— Кот.

Костя сдернул тряпку, и мы увидели коричневого гипсового кота с голубым бантиком на могучей шее. Нос и уши кота были изрядно потерты. На загривке зияла узкая белая щель.

— Копилка! — вскричал Васька. — Вот это фокус!

— Ох, ребята, влетит же мне за этот фокус!.. — просто-нап Костя.

Он потряс копилку. В утробе кота сыто урчала и перекатывалась мелочь.

— Сколько там? — спросил Сережка. — Давай разобьем и сосчитаем.

— Я те разобью! — сердито сказал Костя. — По монетке будем тянуть, ясно? Ровно три рубля — и баста! В долг, слышите? Все свидетелями будете!

И Костя принялся за работу. Он наклонял кота, поворачивал его на бок, чуть встряхивал, гладил по головке и даже что-то приговаривал. Но жадный котище не выпускал из себя ни единой копейки.

Я смотрел, смотрел на эти манипуляции и понял, что ждать милости от бездушного кота бесполезно. Тогда мне в голову пришла отчаянная мысль.

— Давай сюда, — говорю. — У моей бабушки была такая копилка. Я шутя справлялся с ней. Тут сноровка нужна!

Костя недоверчиво передал мне семейную сберкассу. Я взял копилку двумя руками, чуть приподнял ее и, замирая от страха, разжал пальцы. Копилка грохнулась на асфальт. Гипс вперемешку с медяками брызнул в разные стороны.

Костя ахнул.

Но немая сцена продолжалась недолго. В следующее же мгновение я получил первую затрещину. И пока ребята опомнились и кинулись мне на выручку, Костя успел надавать мне еще не одну.

Не знаю, сколько бы еще бушевал Костя. В чувство его привел возглас Сережки:

— Смотрите, сколько я насобирал!

Его ладонь была полна мелочи.

Костя, забыв обо мне, упал на колени и стал ползать по холодному асфальту, собирая монеты.

Мы последовали его примеру.

Все собранные деньги мы побросали Косте в шапку.

Костя зло посмотрел на меня, повернулся и пошел прочь.
— Костя! — взмолился я. — Будь другом, выручай — нам нужно всего три рубля... Ты же обещал. Мы обязательно отдадим, вот увидишь!

Костя вернулся назад и молча отсчитал три рубля.

Потом мы отправились под Женькины окна и начали свистеть, мяукать, кукарекать. Но Женька так и не появился. Здорово, наверное, ему, бедняге, влетало там наверху!

— Айда к дяде Степе! — воскликнул Сережка. — Попросим его сегодня же отнести деньги Геннадию Максимилиановичу...

И хотя было поздно и нас потом ругали дома, мы отправились к дяде Степе, чтобы сделать последний взнос.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПИРОГ

На следующее утро до уроков я помчался к Женьке.

Дверь мне открыла его мама.

— Заходи, заходи, Феденька, — приветливо сказала она. — Я как раз пирог испекла.

Я удивился: никаких следов вчерашней бури!

По всей квартире плыл легкий дымок. К нему примешивался запах меда. Хотя я к еде равнодушен, не то что Васька, у меня невольно потекли слюнки.

— А пирог-то у нас сегодня не простой, — с хитрой улыбкой сказала Женькина мама. — Пирог-то у нас — музыкальный. Хочешь поглядеть?

Я скромно глотнул слюну и сказал:

— Спасибо, не хочу...

Но ноги сами понесли меня на кухню.

— Смотри, — между тем говорила Женькина мама. — Рисунок Женя сам придумал.

В центре гигантского пирога темнел рисунок из повидла: лира, а посередине то ли японские, то ли индусские письма и что-то вроде сердца, пронзенного стрелой.

Недоумение мое росло. Я бросил в прихожей ранец и прошел в Женькину комнату.

- Ничего не понимаю! — воскликнул я.
- А ты попробуй угадать, что тут вчера говорил Геннадий Максимилианович, — весело отозвался Женька.
- Требовал возместить убытки?
- Ха!
- Обещал сообщить в общеобразовательную школу директору?
- Ха-ха!
- Грозился передать дело в милицию?
- Ха-ха-ха!
- Моя фантазия иссякла, и я сказал:
- Не пианино же он тебе обещал подарить в конце концов!
- Угадал, — ответил Женька. — Именно пианино!
- Да брось ты, Женька! Чего ты мне голову морочишь?
- А ты слушай дальше. Геннадий Максимилианович рассказал родителям, что слушал мое пение и что мне обязательно нужно учиться музыке. Он, мол, сам будет со мной заниматься. И обещал завтра же дать справку, по которой можно взять в музпрокате пианино.
- А стекло? — растерянно спросил я.
- Вот это самое удивительное, Федя. Геннадий Максимилианович о стекле не сказал ни слова, ни единого словечка!
- Значит, родители до сих пор ничего не знают? Но Женькины родители, оказывается, все знали.
- После ухода Геннадия Максимилиановича, рассказывал дальше Женька, у них дома словно праздник наступил. Мама поставила тесто, отец затеял с ним борьбу. Веселились они допоздна. А утром... Утром Женька не выдержал и во всем сознался отцу.
- Ну и правильно! — сказал я. — Молодец, Женька!
- Я решил: пусть все будет по-честному...
- Влетело?
- Влетело, — вздохнул Женька. — Еще как! Чуть весь праздник не испортил. Ругали они меня здорово. А потом отец, перед уходом на завод, дал мне десять рублей и велел отнести Геннадию Максимилиановичу. Он, мол, не

станет из-за меня краснеть перед хорошим человеком... Да! — вдруг вспомнил Женька. — Вы почему не отдали тогда письмо Геннадию Максимилиановичу?

Я рассказал Женьке про все наши мучения, героический Васькин поступок, гибель гипсового кота и про то, почему мы спрятали письмо.

— Вот спасибо! — воскликнул Женька. — Ай да Васька! И Сережка! И Костя! И... кот! И Гриша!

— Гриша?!

— Конечно! Письмо знаешь как помогло! Геннадий Максимилианович сказал вчера: «Приходит твой приятель с письмом, между прочим, немного подпорченным, и говорит: «Если примете Женьку в школу, я вам отдам личное письмо!» Я не устоял и сразу согласился: мне, кстати, звонила Людмила Николаевна. Она интересуется твоей судьбой...»

— Дела! — только и произнес я.

А из кухни нас позвали:

— Мальчики, идите завтракать.

Женька мигом натянул на себя рубашку и спросил:

— Видал музыкальный пирог? А рисуночек?

— Видал. Только не понял, для чего тебе понадобилось сердце, пронзенное стрелой?

— Чудак ты, Федя! Там изображена кисть моей руки, а в ней дирижерская палочка!

Женька оделся; мы съели по огромному ломтю музыкального пирога и вышли на улицу.

В руках Женька нес большой целлофановый мешок, набитый кусками пирога.

— Давай подождем ребят, — предложил он.

И хотя мороз больно щипал за уши, я согласился.

Вскоре из подъезда вышел Сережка. За ним — Васька.

— Спасибо вам, ребята, — сказал Женька. — Васька, хочешь пирога? Ешь, не стесняйся, чего там! А ты, Сережка? Жуй, пирог мировой!

Всю дорогу мы оживленно болтали и про мороженое, и про дядю Степу, и про Геннадия Максимилиановича, и про Гришу, и про пианино, свалившееся словно с неба.

У самой школы Женька вдруг вспомнил:

— А как же быть с десятью рублями, которые дал мне отец? Куда их теперь девать? Они ведь общественные!

Эту проблему мы обсуждали на всех переменах. Сначала решили купить Ваське рыбок, но потом раздумали. Рельса ведь так и не прижилась в депо и в один прекрасный день объявилась у двери Васькиной квартиры. Значит, он не так уж пострадал.

Я напомнил ребятам, что не мешало бы вернуть Косте долг — три рубля.

Все тут же согласились со мной, а на остальные деньги решили купить что-нибудь интересное.

ПЕРВЫЙ ЖЕНЬКИН УРОК

Я провожал Женьку на первый урок.

Геннадий Максимилианович пригласил нас в большой класс, где рядышком стояли два рояля. У первого была поднята крышка. Она напоминала крыло птицы в полете. Внутри рояля в золотом обрамлении тянулись струны. Много-много струн. Словно в рояль уложили арфу.

Геннадий Максимилианович усадил Женьку за крылатый рояль и стал внимательно рассматривать своего нового ученика. Сначала с левой стороны, потом — с правой. Да с таким интересом, будто видел его впервые.

Геннадий Максимилианович отодвинул подальше от рояля стул, на котором сидел Женька. Убедившись, что все в порядке, он положил на Женькины плечи ладони рук, чуть надавил ими и вполголоса произнес:

— Корпус немного назад... Хорошо. Ноги вперед, ставь их рядом, плотнее, носки ближе к педалям... Хорошо. Локти не прижимай... Выше, выше их!

Я вдруг вспомнил, как однажды родители водили меня с собой к одному своему знакомому — скульптору. Тот ходил вокруг огромного комка серой глины и придавал ему какую-то форму. Какую? Никто из окружающих пока не знал.

И мне казалось теперь, что Геннадий Максимилианович делает то же самое. Во всяком случае, выражение его лица было точно таким, как у скульптора, стоящего перед бесформенным комком глины...

А урок продолжался.

— Вообрази, — говорил Геннадий Максимилианович Женьке, — что держишь в ладони большое яблоко. В таком положении должны находиться пальцы над клавиатурой...

Женька выполнил это задание сразу. Геннадий Максимилианович сказал:

— Замечательно!

Еще Геннадий Максимилианович сказал, что пальцы не должны быть вялыми, как переваренные макароны, и ни в коем случае не жесткими, как деревянные. Каждый палец, будто сложная пружина, должен уметь принимать на себя тяжесть кисти, предплечья и плеча. Словом, должна быть правильная опора.

Геннадий Максимилианович довольно долго с Женькой занимался опорой, и мне, откровенно говоря, стало скучно. Я даже невольно зевнул, едва успев прикрыть ладонью рот.

После урока Женька долго еще не уходил домой. Он водил меня по школе, заглядывал в каждый уголок, читал все объявления, рассматривал стенды и плакаты.

Возле одного стенда мы простояли дольше всего.

Там было написано:

ЖИЗНЕННЫЕ ПРАВИЛА ДЛЯ МУЗЫКАНТОВ

Стенд повесили недавно — раньше я его не замечал. Поэтому я тоже с интересом принялся его изучать.

Оказывается, эти правила написал 120 лет тому назад великий немецкий композитор и музыкальный писатель Роберт Шуман.

А правил было... 68!

Все правила мы, конечно, не запомнили, но кое-какие Женька даже записал:

1. Развитие слуха — это самое важное.

2. Играй прилежно гаммы и упражнения для пальцев.
7. Никогда не бренчи на инструменте!
14. Когда ты играешь, не беспокойся о том, кто тебя слушает.
25. Выбирая вещи для работы, советуйся со старшими: ты этим сбережешь себе много времени.
35. Ищи среди своих товарищей таких, которые знают больше, чем ты.
38. Будь скромн! Ты еще не открыл и не придумал ничего такого, что не было известно до тебя.
49. Рано начинай обращать внимание на звук и характер различных инструментов; старайся хорошо запечатлеть в слуховой памяти их своеобразную звуковую окраску.

Женька перестал записывать и воскликнул:

— Ого! Ты посмотри, что написано в правиле номер пятьдесят восемь!

Там было написано:

Как можно раньше познакомиться с дирижированием. почаще наблюдай хороших дирижеров; вместе с ними можешь потихоньку дирижировать и сам. Это принесет тебе ятность.

— Здорово! — сказал Женька и записал еще три правила:

61. Прилежанием и настойчивостью ты всегда достигнешь более высокого.
62. Если ты должен перед кем-нибудь играть, не ломайся; делай это сразу или сразу откажись.
68. Ученью нет конца.

Женька эти правила принес домой, переписал начисто и повесил над письменным столом.

СМЫЧОК И ДВА КРУЖОЧКА КАНИФОЛИ

А Костя заболел. Может быть, в тот день, когда я разбил гипсового кота, он долго ходил без шапки и простудился?

— Отнеси ему долг, — посоветовал Женька. — Может, ему не так влетит от отца.

Я чувствовал себя виноватым перед Костей и без лишних разговоров пошел к нему.

Костя лежал в постели и тосковал. Он очень обрадовался мне. Я передал ему привет от ребят — он так и засиял. А уж когда показал три рубля — стал здоровым не хуже каждого из нас.

— Вот хорошо! — воскликнул он. — А то отец рассердился. Говорит: «Выздоровеешь — шкуру спущу!» С тебя, Федя, когда-нибудь спускали шкуру? Нет? Ох и неприятная процедура!

— Теперь-то шкура твоя спасена, — сказал я. — А чем ты болеешь?

— Я и не думал болеть, — засмеялся Костя. — Это я нарочно градусник набивал, притворялся температуращим, понял?

В комнату вошла мама Кости.

— Ты почему вскочил? В постель, в постель! И укройся потеплей!

— Мам, я совершенно здоров. И температуры нет.

— Ставь градусник!

Я со спокойной совестью оставил Костю наедине с градусником и вернулся к ребятам.

Вдруг Женька говорит:

— Я знаю, что нужно делать с оставшимися семью рублями. Купим Косте контрабас!

Никто не возражал. Правда, Васька предложил купить большой торт и поделить его поровну. Да кто стал его слушать? Мы поехали в магазин «Музыка». У прилавка я вновь увидел знакомого продавца. Он было уставился на меня, но я моментально сдернул очки:

— Здравствуйте! Добрый вечер, то есть добрый день...

— Надень очки, не порть себе зрение. Я все равно тебя узнал. Ну-с, а на сей раз что тебе взбрело в голову? Хочешь играть на саксофоне?

— Нет... Хочу узнать, сколько стоит контрабас.

— О, бедные родители! — воскликнул продавец. — Контрабас, молодой человек, стоит двести рублей, но инструкции к нему все равно нет!

Ух, до чего вредный старик! Прошло три месяца, а он все помнит!

Мы посовещались немного, и меня снова подтолкнули к прилавку.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я у продавца, — что можно купить для контрабаса на семь рублей?

— Смычок и два кружочка канифоли.

— Заверните, пожалуйста...

— Предупреждаю: смычок без контрабаса не играет, сколько его ни канифоль. И если ты вздумаешь завтра менять его на мандолину, то берегись!

Заполучив смычок и два темных, похожих на жженный сахар, кусочка канифоли, мы вернулись к себе во двор и разыскали Костю.

Он долго не верил собственным глазам и все спрашивал:

— Мне? Насовсем?

С этой минуты Костя не расставался со смычком. Таскал его под мышкой, совсем как Кузя-барабанщик свои барабанные палочки, время от времени натирал канифолью и с гордостью говорил всем:

— Теперь у меня почти есть контрабас!

А контрабас...

ТРОФИМ ТРОФИМЫЧ И КОРОНА В КРУЖОЧКЕ

Помните, мой папа взялся за починку контрабаса Уточкина? Помните, он принес домой сверток, в котором были столярный клей, бутылочки с лаком, струны и нов. ! подставка. Затем он принялся за дело.

А дело не спорилось. Вернее, не клеилось: папа при всем старании не мог прилепить наполовину отставшую нижнюю часть корпуса контрабаса — деку.

— Давай совсем отделим деку, — посоветовал я. — Зачистим места приклейки, и все будет в порядке.

— Умным советом не пользуется только глупец, — глубокомысленно сказал папа. — Будь по-твоему.

Общими усилиями мы отделили деку. Она отчаянно трещала, хотя мы почти не прилагали усилий, а тихонечко проталкивали по щели деревянный клинышек.

Изнутри дека оказалась неокрашенной. Зато ее покрывал такой густой слой грязи, что даже цвет дерева не просматривался.

— Возьми влажную тряпку и протри как следует деку, — попросил папа.

Я старательно выполнил просьбу. Грязь легко сошла, и я сразу обратил внимание на какие-то знаки, выжженные в самом центре деки. Присмотревшись, я различил круг, в нем корону, а под короной три буквы: FEL.

Что такое?

Позвали маму. В ней моментально вспыхнул азарт исследователя. Она вооружилась лупой и долго внимательно рассматривала знаки. Потом два дня пропадала в Ленинской библиотеке и наконец рассказала нам:

— Выяснить удалось следующее: каждый мастер ставил на своих инструментах специальное клеймо. Иногда его рисовали от руки черной несмывающейся краской. А бывало — выжигали. Клеймо знаменитого итальянского мастера Гварнери дель Джезу выглядело так:

Антонио Страдивари — лучший из итальянских мастеров — сначала ставил такое клеймо:

А в последние годы своей жизни другое:

— А наша корона что означает? — нетерпеливо сказал я. — И кто такой FEL?

— В том-то и дело, что ни в одном каталоге я не нашла этих обозначений. Даже в мастерскую Большого театра заходила, расспрашивала мастеров. Никто ничего не знает. Ясно одно: контрабас — не из простых.

— Что же я наделал?! — воскликнул папа. — Я ведь старый лак начал смывать!

— Не волнуйся, — сказал я. — У нас в музыкальной школе есть Трофим Трофимыч...

Два раза в неделю вечерами в музыкальной школе появлялся Трофим Трофимыч — высокий строгий старик с гладкими седыми волосами, зачесанными на пробор.

Трофим Трофимыч — наш школьный мастер — не спеша раздевался, здоровался с Марией Ивановной за руку, неизменно заходил к Геннадию Максимилиановичу и через несколько минут, заложив руки за спину, широким шагом направлялся в глубину школы, в комнату, отведенную под мастерскую. Появляясь в мастерской, Трофим Трофимыч первым делом обращал суровый взгляд к «Приемному покою» — так он сам называл стол, куда в его отсутствие складывались поломанные и испорченные за неделю музыкальные инструменты.

У Трофима Трофимыча была удивительная память. Он помнил каждый школьный музыкальный инструмент. Более того, он отлично помнил и хорошо знал повадки каждого, кому выдавал инструменты.

— Тэк, тэк... — произносил он, рассматривая поломки. — Ошибки быть не может: это скрипка Саши Кувшинова. Разбойник, сущий разбойник! Опять подставку сломал. Починю и отругаю... А эта? Ну да! Фокусы Миши Петелькина — опять прищемил дверью виолончель. И шпиль поломал! Батюшки мои надвое, словно о колено! Починю, отругаю и позвоню отцу... Кто следующий? Ваня. Эх, Ваня, Ванечка, опять, паршивец, дрался смычком. В который раз! И чинить не буду, и ругать не стану. Отправлю к Геннадию Максимилиановичу...

С Трофимом Трофимычем я был хорошо знаком. Фагот мне попался капризный — в нем часто западали клапаны. Вот я и носил его к мастеру.

Когда я пришел к Трофиму Трофимычу и сказал, что у меня дома есть сломанный контрабас, он машинально воскликнул:

— Починю и отругаю! — но, спохватившись, произнес: — Погоди, погоди, ведь никакого контрабаса я тебе не выдавал.

— Контрабас не школьный...

— Так сразу бы и сказал. Нет у меня времени на частную работу. Видишь, сколько твои друзья наломали!

— Трофим Трофимыч, — говорю, — на контрабасе выжжены корона и три буквы...

Трофим Трофимыч тотчас последовал за мной.

Увидев контрабас, он изменил своему правилу — сначала как следует отругал папу:

— Что же вы, молодой человек, наделали? Кто вас просил смывать лак и... вообще ремонтировать инструмент? Это же, простите, не табуретка. Здесь же навыки нужны, мастерство!

— Неужели нельзя восстановить лак? — смущенно пробормотал папа.

— Послушайте, что я вам расскажу, — сказал Трофим Трофимыч. — Некогда прекраснейший экземпляр скрипки Антонио Страдивари, принадлежавший царю Александру I, поместили в Эрмитаж. Но дело, конечно, не в этом. Однажды скрипка исчезла из музея. Бесследно. Все думали, что навсегда. Но ее в конце концов нашли. Что же сделали воры для того, чтобы замести следы? Они смыли со скрипки ее чудесный лак кораллового цвета и навсегда погубили инструмент...

— Но здесь лак не коралловый, а желтоватый, — беспомощно сказал папа, со страхом глядя на Трофима Трофимыча.

— Тем более! — отрезал Трофим Трофимыч и углубился в изучение инструмента.

— Тэк, тэк... — сказал он через некоторое время и устало опустил на стул. — Инструмент прекрасный. Но он не самого высокого полета, увы! Не Страдивари, не Гварнери, не Гвадани, не Бергонци, но и не фабричный. Види-

мо, какого-то неизвестного мастера. Судя по форме и завиткам на головке — французского происхождения. Наверное, контрабас построил какой-то любитель, так и не ставший знаменитостью... И я с удовольствием почию контрабас!

Папа отнес инструмент в школьную мастерскую.

Когда контрабас был готов, им очень заинтересовался учитель Кости. Он собрал всех нас в классе и исполнил на контрабасе целый концерт.

Удивительное дело! Я всегда был уверен, что на контрабасе играют только в оркестре. Ничего подобного! Оказывается, контрабас — замечательный сольный инструмент. Да еще какой — заслушаешься!

После концерта контрабас торжественно вручили Косте. И Костя, честное слово, плясал от радости.

А Уточкин, прослышав про все эти чудеса, потребовал новую расписку.

ЖЕНЬКИНО ПИАНИНО И ТУЧКА ГРОЗОВАЯ

Наступили зимние каникулы, и родители увезли меня в пансионат.

Мама целыми днями сидела в комнате за своей диссертацией, а мы с папой ходили на лыжах и катались на санках.

По вечерам мама доставала из чемодана кларнет, а я брал в руки фагот, и мы играли дуэты. Папа немедленно уходил в коридор покурить, а соседи, немного потерпев, колотили кулаками в стенку и требовали тишины.

Когда мы наконец вернулись в город, я первым делом помчался к Женьке узнать, привезли ли ему пианино.

Вот уж второй месяц Женька ждал его, но пианино все еще не было. Геннадий Максимилианович сам несколько раз ездил смотреть инструменты, да каждый раз ему то тембр не нравился, то клавиатура была слишком тугая, то еще что-то. И Женька бегал заниматься в школу.

Однажды мы возвращались с Женькой из общеобразо-

вательной школы и вдруг видим — у нашего подъезда стоит грузовик и суетятся люди. Подбегаем — так и есть: привезли пианино.

Два такелажника подняли пианино на широких брезентовых ремнях и осторожно потащили на третий этаж.

Инструмент поставили в Женькиной комнате, у правой стенки, почти у окна.

Мы тотчас хотели попробовать его звук. Но Женькин отец не позволил. Он сказал, что Геннадий Максимилианович предупредил: с мороза инструмент можно открывать лишь через несколько часов, а то испортится.

Женька чуть не помер от нетерпения. А когда добрался до пианино, вцепился в него, как коршун, и не мог оторваться до самого вечера.

Даже ложась спать, он придвинул свою раскладушку вплотную к пианино да так и уснул.

А недельки через две Геннадий Максимилианович вызвал меня в кабинет и говорит:

— Помнишь наш уговор в начале года? Я обещал тебе партию фагота для оркестра. Поскольку ты занимался хорошо и, по мнению Юрия Анатольевича, вполне можешь справиться с этой задачей, я вручаю тебе ноты... Учти, скоро начнешь ходить на репетиции оркестра.

Я схватил нотный листок и помчался к Женьке.

— Слушай! — кричу. — Мне дали оркестровую партию! Целых четыре строчки!

— Ну-у?! — воскликнул Женька. — Самую настоящую партию? Сыграешь?

— Сперва надо разобрать, поучить, а потом — пожалуйста!

Целых три часа я зубрил дома свою партию. Разобравшись во всем как следует, я пошел к Женьке. А того уже не оказалось дома — отправился на урок по специальности.

Я побежал в музыкальную школу. Осторожно заглянул в кабинет Геннадия Максимилиановича и вижу: сидит за роялем Женька и занимается. Самостоятельно.

Я вошел в кабинет:

— Ты один?

— Нет, вокруг толпа.

— Ты чего такой злой?

— Геннадий Максимилианович опять отругал. Я, вместо того чтобы выполнить задание, разобрал три новые пьески. Думал, он похвалит, а он рассердился. Говорит: «Ты плохо усвоил правило для музыкантов номер двадцать пять: «Выбирая вещи для работы, советуйся со старшими: ты этим сбережешь себе много времени». И велел полчаса играть вот это. — И Женька показал мне какое-то скучное упражнение.

— Жень, а я свою партию выучил.

— Играй.

— Прямо сейчас? А если Геннадий Максимилианович вернется?

— За полчаса ты сто раз успеешь сыграть.

Женька был прав. Я достал из футляра фагот, поставил на пюпитр рояля нотный листок и стал играть.

— Похож на тучку грозовую? — спрашиваю.

Женька пожимает плечами:

— А ну, сыграй еще раз.

Я сыграл.

— Ничего грозового тут нет.

— Есть! — заупрямился я. — Геннадий Максимилианович мне еще осенью говорил о тучке.

— А ну, сыграй еще раз.

Я сыграл несколько раз подряд, чтобы Женька наконец разглядел эту самую тучку.

Но странное дело, чем больше я играл, тем больше убеждался, что ничего грозового в моей партии нет.

— И не сомневайся, Федя. Я эту симфонию, из которой твоя партия, знаю всю наизусть — вдоль и поперек.

— Всю симфонию? Наизусть? Да я четыре строчки учил целых три часа и то не запомнил на память!

— Не веришь? Говорю тебе, что всю знаю — нота в ноту. Я хожу на каждую репетицию оркестра. Вот и запомнил. Хочешь, просвищу?

— А если кто услышит?

— Подумаешь. Сам Геннадий Максимилианович на репетициях свистит. Как дойдет до того места, где должна быть твоя партия, так сразу и начинает свистеть. Пока, говорит, нет фагота, я его буду заменять.

— И в его свисте нет ничего грозowego?

— Ни капельки. Свистит себе и улыбается. Шесть раз одно и то же. Я даже запомнил, где должен вступать фагот.

Я растерянно пожал плечами: «А куда же делась моя тучка грозовая?»

Женька сказал, что даст мне знак, когда вступить, и начал свистеть.

Я приготовил фагот и стал ждать. Я слушал, как свистит Женька, и старался не прозевать вступления.

Наконец Женька подал мне знак рукой, и я вступил.

Потом я замолк, а он продолжал дирижировать.

Он свистел и дирижировал, а когда не мог достать свистом слишком низких или высоких звуков, то начинал петь, а когда и этого не хватало — разве оркестр свистом да пением заменишь! — Женька начинал мычать и дирижировать всем туловищем.

Вдруг дверь тихонечко приоткрылась, и показался Геннадий Максимилианович.

Женька-то его не видел — он стоял спиной к двери — и поэтому не прекращал свиста. Я хотел подать Женьке знак, но Геннадий Максимилианович погрозил мне пальцем и стал внимательно слушать Женькин свист. А когда очередь дошла до моего фагота, Женька, чтобы не прерывать симфонию, спел на ее мотив такие слова:

— Чего, дурак, зеваешь и смотришь по сторонам. Сейчас тебе вступить!

Я не знал, как мне быть. Но Геннадий Максимилианович кивнул: «Давай, мол, можно».

А Женька все махал руками, приплясывал, притопывал, пел, мычал, свистел, качался.

Наконец мне показалось, что вся эта свистопляска заканчивается, — Женька поднял развернутые ладони к по-

толку и, постепенно собирая пальцы в кулак, стал немилосердно сотрясать ими.

Я уже обратил внимание на то, что, когда дирижерам пора заканчивать дирижировать, они поднимают руки над головой и трясут ими. Это — самый верный признак, что скоро все будет кончено и можно аплодировать.

Женька на самом деле швырнул кулаки вниз, воскликнув:

— Вот так! — вытер пот со лба и оглянулся.

— Bravo, bravo! — сказал Геннадий Максимилианович и подошел к Женьке. — Молодец! Только с финалом у тебя не все ладится.

Я воспользовался моментом и, протянув свою партию, спросил:

— Геннадий Максимилианович, скажите: это тучка грозовая или нет?

— По-моему, это листок бумаги. Ты не находишь, Женя?

И Геннадий Максимилианович принялся говорить с Женькой о симфонии. И даже наигрывал отдельные кусочки.

Потом Геннадий Максимилианович сказал мне:

— Придешь на следующую репетицию оркестра — партию ты свою знаешь твердо и вступаешь уверенно.

КТО ВЗЯЛ ФАЛЬШИВУЮ НОТУ?

С тех пор я аккуратно посещал репетиции оркестра.

Женька неизменно присутствовал там. Он сидел в зале и внимательно следил за репетицией.

Меня Геннадий Максимилианович тоже пока держал в зале. Потом усадил в самую середину оркестра. Сначала без фагота, но с заданием ко всему прислушиваться и запоминать. Я чувствовал себя словно на дне кипящего котла, где что-то клокочет и бурлит.

Через некоторое время я привык к звучанию оркестра, стал различать голоса отдельных инструментов и безошибочно

бочно знал, где и когда должна прозвучать моя партия. Даже тихо напевал ее себе под нос. Вот тогда Геннадий Максимилианович и разрешил мне играть мои четыре строчки.

Играя, я вдруг понял, что моя партия — вовсе не тучка грозовая, а утренний туман, который стелется рано утром над рекой. И звук фагота это здорово передает. А когда туман рассеивается и проступают первые лучи солнца, играют флейты, а за ними скрипки...

Занятия оркестра стали для меня самыми любимыми. Каждый раз, когда приближалось вступление моего фагота, я радовался, волновался и понимал, что каждое движение, каждая мысль, каждый вздох здесь подчинены одному — музыке.

Геннадий Максимилианович говорил нам, что в оркестре главное — уметь слушать музыку, хорошо чувствовать ансамбль и следить за дирижерской палочкой. И что все время нужно быть как бы частицей той музыки, которая звучит. И если у тебя длительная пауза, нельзя сидеть сложа руки, отдыхать и думать о постороннем.

Я теперь во многом разбираюсь, хотя чем больше учусь, тем больше набирается у меня вопросов, и я постоянно ищу на них ответ.

А Костя, между прочим, тоже попал в оркестр. Может быть, его и не взяли бы туда в этом учебном году, да контрабасистов в школе было слишком мало. Вот Геннадий Максимилианович и решил попробовать Костю.

Костя очень старался, прямо из кожи вон лез, хотя часто играл невпопад. Из-за него приходилось останавливать репетицию, но Геннадий Максимилианович был терпелив. А когда все мы расходились, он оставлял Костю в зале и занимался с ним отдельно.

Однажды, в самый разгар репетиции, Геннадия Максимилиановича вызвали к телефону. Звонили из какого-то другого города.

Уходя, он положил дирижерскую палочку на пульт и велел нам сидеть на своих местах и не шуметь.

Как только за ним закрылась дверь, Женька вдруг вскочил на сцену и схватил дирижерскую палочку.

Он покрутил ее в руках и крикнул нам:

— Приготовились! Играем финал!

Ребята так удивились, что невольно подняли инструменты. Лишь Кузя стукнул кулаком по барабану и крикнул:

— Еще чего! Не буду играть!

«Эх! — подумал я. — Когда еще у Женьки будет возможность дирижировать? Надо помочь!»

Я поднялся:

— Геннадий Максимилианович велел, чтобы в его отсутствие дирижировал Женька. Я сам слышал!

— И я! — выкрикнул Петя Люлькин.

— Чего спорить? Факт, Геннадий Максимилианович говорил, и я слышал! — последовал басок Кости.

Многие было заколебались, а Женька, не теряя времени, взмахнул дирижерской палочкой.

Не знаю, может, Женька на самом деле удивительный человек, а может, оркестр некоторое время способен играть без дирижера, только сейчас мы играли не хуже, чем при Геннадии Максимилиановиче, так, во всяком случае, мне показалось.

Даже Кузя бухал по своим барабанам и литаврам. Помоему, Женьке назло, он слишком уж громыхал. Временами, кроме этого грохота, ничего не было слышно.

Вдруг Женька постучал дирижерской палочкой по пульту и строго сказал:

— Кто-то взял фальшивую ноту. Начнем еще раз.

Мы начали. Но на злополучном месте Женька опять остановил оркестр.

— Хватит дурака валять, — сказал он сердито. — Признавайтесь: кто взял фальшивую ноту?

Мы опять повторили с самого начала, и Женька закричал:

— Ага! Попался! Это ты, Костя, не вовремя вступаешь. Вот и получается фальшиво. Я же не глухой!

— Я-а? — возмутился Костя. — Сам ты фальшивишь! Кто тебя вообще просил за пульт становиться?

— Вот видите! — закричал Кузя, выскакивая из-за барабана. — Никто ему не поручал. Враки все это. Он самовольничает, а мы играем, как дураки!

Женька, не обращая внимания на Кузю, снова начал дирижировать. Часть ребят — та, которая была на нашей стороне, — играла свои партии из симфонии, а противники наигрывали на своих инструментах кому что взбредет в голову. И такая получилась каша, что передать словами невозможно.

Женька терпел, терпел все это, но всякому терпению бывает конец. Он вдруг бросил дирижерскую палочку и дал скрипачу, сидящему справа, по уху.

Вот тут-то и началось!

Петя Люлькин огрел смычком своего соседа. Костя, который затеял эту свару, моментально перешел на нашу сторону и, прячась за контрабас, как за неприступную крепость, сражался сразу с тремя виолончелистами.

Вскоре дерущиеся попрыгали со сцены, и сражение завязалось в зале. Все это напоминало кинокадры из «Трех мушкетеров», только вместо шпаг мушкетеры держали в руках смычки, а защитой вместо плащей служили скрипки.

Битва подходила к концу, но мир так и не узнал имена победителей: мы вдруг услышали окрик Геннадия Максимилиановича:

— Это что за безобразие?!

Толкаясь, наступая друг другу на пятки, мы кинулись на свои места и замерли.

— Из-за чего драка? — спросил Геннадий Максимилианович.

Оркестр молчал. Лишь там, где стояли барабаны, что-то шевельнулось, но тут же замерло.

— Значит, музыкальные инструменты сами полезли в драку, а вы их только сдерживали?

Женька поднялся на ноги:

— Мы пробовали играть без вас. Я дирижировал... Кто-то взял фальшивую ноту. Вот мы ее и искали...

— Нашли?

— Нет.

— А я вам сейчас найду, да не один десяток. А ну, первая группа скрипок, проверить строй!

Первые скрипачи начали проверять строй и удивились: у всех без исключения были расстроены скрипки.

Со вторыми скрипками дело обстояло не лучше.

Над виолончелями тоже пришлось потрудиться, а о Кос-тином контрабасе и говорить не приходится.

— Видите, сколько фальши? — спросил Геннадий Максимилианович. — А теперь, Тюнев, становись за пульт. Интересно, что у тебя получается?

Женька взошел, нет, Женька взлетел на сцену!

Мы заиграли.

Весь остаток репетиции Геннадий Максимилианович продержал Женьку за дирижерским пультом, стоя с ним рядом и что-то ему подсказывая.

РЕШАЕТСЯ ЖЕНЬКИНА СУДЬБА...

В конце третьей четверти, перед самыми весенними ка-никулами, в музыкальной школе и на «Площадке встреч» появилась афиша:

15

МАЯ

МАЛЫЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ

15

МАЯ

ОТЧЕТНЫЙ КОНЦЕРТ
ДЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В программе:

ХОР,
ОРКЕСТР,
АНСАМБЛИ,
СОЛИСТЫ.

Начало в 12 час.

Вход по пригласительным билетам.

До концерта оставалось больше полутора месяцев, но роли в нем распределялись заранее.

Васька и Сережка участвовали в хоре. Я и Костя — в оркестре. Лена Мухина готовила пьесу под названием «Баркарола» композитора Глинки, а Петя Люлькин снова играл первую скрипку в квартете. Единственный, кто из нас не участвовал нигде, — это Гриша. Рано было ему выступать, не дорос еще.

Женька так часто становился к дирижерскому пульта, что Геннадий Максимилианович однажды в шутку сказал: — Тебя хоть на отчетный выпускай!

Эти слова крепко запали Женьке в душу, и он потерял покой.

Геннадий Максимилианович больше не возвращался к этому разговору, но Женька ходил за ним по пятам и вздыхал.

Ребята завели спор: разрешит или не разрешит Геннадий Максимилианович Женьке руководить оркестром на отчетном концерте.

Как-то я нарочно при всех спросил у Кузи:

— Как думаешь, Женька будет дирижировать на отчетном концерте?

— Чего-о? — взвился Кузя. — Держи карман шире!

И мы с ним поспорили.

Он на свой камертон, который всегда носит при себе, а я — на свой, с которым тоже никогда не расстаюсь.

— Камертон на камертон? — спросил кто-то. — Шутники! Для чего нужны два камертона?

Но мы-то с Кузей знали, в чем суть спора.

Его камертон — двузубая вилочка вороненой стали, с крохотной ручкой, увенчанной шариком.

Мой — д у х о в о й.

Это — короткий столбик, не больше мизинца и не толще карандаша. Эдакая маленькая дудочка, издающая протяжный звук охотничьего рожка.

Мне этот камертон подарил Трофим Трофимыч.

Трофим Трофимыч прилаживает духовые камертоны к скрипкам.

Если подуть в камертон, вмонтированный в корпус скрипки, образуется звук такой же силы и красоты, как у валторны.

Вот какой у меня камертон!

И Кузя завидует мне.

А я — ему. Мне почему-то хочется иметь еще и стальной камертон. Если им стукнуть обо что-нибудь твердое, а потом приложить к непокрытой поверхности стола, то создается впечатление, будто где-то вдалеке ударили в колокол.

Словом, нам обоим ясно — игра стоит свеч!

Кузя ушел довольный.

Я — тоже.

Потом меня стали одолевать сомнения, и я спросил у Юрия Анатольевича, может ли мальчик Женькиного возраста дирижировать оркестром, на что получил ответ:

— Дело не в возрасте, а в способностях. Например, итальянец Вилли Ферреро дирижировал оркестром, когда ему было... пять лет.

Ого!

Я помчался к Женьке и рассказал ему про Вилли Ферреро. Женька, в свою очередь, — к Геннадию Максимилиановичу. Тот улыбнулся и поблагодарил Женьку за ценные сведения.

Неделя весенних каникул пролетела как миг, и для нас наступили горячие денечки. Почти каждый день репетиции, прослушивания, спевки, отборы. И Женька каждый раз поднимался на дирижерскую подставку. Он так к этому привык, что однажды осмелился даже поспорить с Геннадием Максимилиановичем.

Геннадий Максимилианович говорит:

— Здесь лучше играть медленнее и спокойнее. Куда ты летишь?

А Женька:

— Мне кажется, наоборот — чем быстрее, тем интереснее.

Геннадий Максимилианович говорит:

— Нет.

Женька:

— Да.

А за несколько дней до отчетного концерта состоялась генеральная репетиция. Играли все участники концерта.

В зале собралась большая комиссия, чуть ли не все педагоги школы.

Мы отлично понимали — сейчас будет решаться Женькина судьба.

Когда Женька появился на сцене, в зале воцарилась такая тишина, словно в нем не осталось ни единой души. Мне даже стало не по себе.

Женька поднял дирижерскую палочку.

«Вот и хорошо!» — радовался я, слушая привычные звуки симфонии и мысленно подбадривая Женьку: «Ты, главное, не волнуйся и не теряй голову: мы тебя не подведем, можешь не сомневаться!»

А Женька и так не волновался. Он все больше воодушевлялся, и мы играли все лучше и лучше.

Правда, я пока не играл. У меня была пауза, и я сидел сложа руки.

Женька посмотрел на меня раз, другой: мол, не зевай, Федя, скоро твое вступление, следи за дирижерской палочкой.

Я кивнул головой: не беспокойся, уважаемый дирижер, что я — дурак, что ли, не понимаю серьезности момента?!

Подумав это, я поправил на пульте ноты и... обмер!

На пульте лежал совершенно чистый нотный листок.

«Это, наверно, Кузя, — промелькнуло в голове. — Ну конечно, он! Именно ему, а не кому-нибудь другому было поручено разложить по пультам оркестровые партии».

Пылая ненавистью и злобой, я посмотрел на Кузю-барабанщика. Но если бы я на самом деле сторел, испепелился, развеялся по ветру, то Кузя все равно не заметил бы моего исчезновения — с таким увлечением он колотил по своим барабанам.

«Так вот как ты решил отомстить Женьке, коварный барабанщик! Но ничего у тебя не выйдет. Партию я свою знаю назубок. Она начинается с ноты...»

Тут я с ужасом подумал, что не помню, с какой ноты она начинается. Все выскочило у меня из головы. Все!

И чем больше я думал о четырех строчках, рисующих туман, тем сильнее заволакивалось туманом мое сознание.

Со страху я окончательно забыл всю мелодию. Я не помнил, с чего она начинается, чем кончается, словно никогда не играл ее.

И еще я понял, что сейчас подведу весь оркестр, себя и своего лучшего друга Женьку Тюнева.

Женька еще раз посмотрел на меня и, видя, что я сижу дурак дураком, сделал круглые глаза, а рука его уже машинально поднималась, чтобы показать мне вступление.

Я сунул в рот мундштук фагота и крепко зажмурил глаза.

И вот в самый последний момент, в ту самую долю секунды, когда мой фагот должен был заиграть, я вспомнил всю свою партию от первой до последней ноты и заиграл.

Музыка словно подхватила меня и понесла вместе с собой к тому месту симфонии, где фагот уступает свою партию флейте, где туман рассеивается и наступает рассвет...

Когда окончилась моя партия, я открыл глаза. Женька, дирижируя одной правой рукой, левой погрозил мне. Оправдываясь, я схватил с пульта злополучный листок и показал Женьке. И вдруг на обратной стороне нотной бумаги, теперь обращенной ко мне, я совершенно отчетливо увидел четыре строчки моей партии!

Просто ноты лежали не той стороной — вот и все дела!

Я выругал себя как следует, а дальше все пошло замечательно. Женька все прибавлял и прибавлял темп. А ребятам понравился этот вихрь, и они всю работу смывали, только пыль канифольная сыпалась да носы покрылись испариной.

«Прав Женька — так на самом деле интереснее», — подумал я.

Но как отнесется к этому Геннадий Максимилианович? Наверное, отругает Женьку. И не видать нашему дирижеру отчетного концерта!

Я так расстроился, что чуть было не прозевал очередного вступления.

А потом случилось неожиданное — Геннадий Максимилианович обнял при всех Женьку и сказал:

— Хорошо! Очень хорошо! И хоть я с тобой не согласен, но то, что ты делаешь, звучит убедительно. Ты прекрасно чувствуешь музыку. Будешь дирижировать на отчетном!

ОТЧЕТНЫЙ КОНЦЕРТ

И опять, как много месяцев тому назад, к школе подружили автобусы. Только сейчас они были синего цвета, что несколько не меняло праздничного настроения.

Мы проехали мимо нашего дома. Потом мимо соседнего, совершенно нового, еще полупустого. Несколько незнакомых мальчиков-новоселов, гонявших по асфальту металлическую тележку для перевозки тары, с жадным интересом смотрели на нас с улицы.

Автобусы промчали нас через весь город на улицу Герцена.

Женька тотчас ушел с Геннадием Максимилиановичем в артистическую, хотя в этом не было никакой необходимости: оркестр выступал во втором отделении.

До начала концерта я слонялся по коридорам и лестницам. Кого только не встретил! И дядю Степу, наглаженного, начищенного, наутюженного. И коменданта Уточкина, который всем и каждому говорил, что это он сделал нас артистами, — подарил нам контрабас и приобщил нас к музыке. И Женькиных маму с папой, родителей Кости, Сережкиного деда и всю родню Гриши во главе с тетей Соней.

Потом я вдруг вспомнил о собственных родителях, которые сидели в зале, и пошел к ним.

Но по пути, в седьмом ряду, я вдруг увидел генерала. Того самого, с которым мы познакомились в Кремлевском театре.

Я пробрался поближе и робко кашлянул.

— Здравствуйте, — говорю.

Генерал некоторое время рассматривал меня, потом сказал:

— А-а, старый знакомый! Садись да рассказывай, на чем выучился играть.

— На фаготе. А Женька сегодня будет дирижировать оркестром!

— Какой Женька?

— Женька Тюнев. Мой друг. Помните, он сидел рядом с вами? У него еще была царапина на лбу...

— Ну как же, помню! — воскликнул генерал. — Хороший мальчуган. Неужели он будет дирижировать? Когда же вы все это успели? Молодцы, ребятки!

И генерал положил мне на плечо руку.

Я стал озиаться по сторонам. Как мне хотелось, чтобы все увидели, какое короткое знакомство у меня с генералом!..

И вдруг — идет Кузя! Да по нашему ряду. Да прямо к нам.

Я обрадовался. «Ага, — думаю, — сейчас от зависти лопнет!»

Я уже собирался рассказать генералу про Кузю: «Видите того длинного? Первый ябеда на всю школу. А трус — ужас! И нечестный. Проиграл мне камертон, а теперь бежит и прячется. Удивляюсь, как его родители терпят...»

Кузя был уже рядом. Не глядя на меня, он обратился прямо к генералу:

— Ты давно уже здесь? А я тебя у входа ждал...

— Мы так не договаривались, — как ни в чем не бывало ответил генерал. — У тебя все в порядке? Ты готов к концерту?

— Да, дедушка...

Мне показалось, что я ослышался. Я оторопело смотрел то на Кузю, то на генерала, а потом зачем-то громко сказал:

— Он мне проиграл камертон.

— Что такое? — переспросил генерал.

— Ничего особенного, дедушка, — засуетился Кузя. — Я сейчас вернусь...

Кузя ухватил меня за рукав и быстро увлек за собой.

— Пусти! — воскликнул я.

— Не шуми ты! — сказал Кузя и полез в карман. — Получай камертон... Только дедушке ни слова, договорились? Это его подарок...

Кузя топтался на месте и не уходил.

А я вертел в руках камертон, любуясь синеватым отливом стали.

Кузя протяжно вздохнул. Жалко ему, видно, было.

Я протянул ему камертон.

— Ладно уж, — говорю, — бери обратно. Но обещай за это сводить меня и Женьку в гости к деду. Обещаешь?

— Конечно! — воскликнул Кузя.

И мы разошлись в разные стороны, одинаково довольные обменом, хотя я не был уверен, что он сдержит свое слово.

Послышались последние три звонка, возвещающие начало концерта. На сцену с двух сторон цепочками потянулись участники хора. Девочки — в белых фартуках, мальчики — в белых рубашках; нарядные, подобранные по росту, они выстроились в три ряда и спели четыре песни.

Публика долго не хотела их отпускать, но в конце концов хор разошелся, и было объявлено выступление Петиного квартета.

Но мои мысли были в это время далеко. «Ничего, — думал я, — вот возьмемся мы с Женькой за Кузю и сделаем из него человека. Нельзя, чтобы такой замечательный генерал имел такого паршивого внука. Надо немедленно браться за дело... А когда перевоспитаем Кузю, пойдем к генералу и доложим ему по всей форме. Вот обрадуется! И про войну нам, наверное, расскажет...»

— Федя, — одернула меня мама, — что ты там все бормочешь? Успокойся, ради бога, и не мешай слушать!

Я словно очнулся, глянул — а Петиного квартета и в помине-то уже нет.

Теперь выступали другие ансамбли. И баянисты, и виолончелисты, и скрипачи. И даже четыре арфы.

Потом на сцену вышла Лена Мухина. Эх, до чего все-таки хорошо играет наша Муха! Это не только мое мнение: Лену, единственную исполнительницу из первого отделения, дважды вызывали на «бис». А третий раз она прямо направилась к роялю и просто, словно дома, уселась за инструмент и сыграла замечательный ноктюрн Шопена.

Первое отделение подходило к концу.

Все сидели и ждали — кто закончит его? Кого, как говорится, приберегли «на закуску»? Ведь известно, что последний номер — всегда что-нибудь наиболее яркое и необыкновенное.

И «на закуску» подали Кузю-барабанщика с ксилофоном.

По-моему, это было сделано правильно. Кузя играл здорово — ничего не скажешь, ну, просто замечательно!

Когда Кузины палочки перестали мелькать над ксилофоном, я долго с удовольствием аплодировал. При этом я стоял почти спиной к исполнителю, зато мне хорошо был виден генерал, ради которого я и старался.

А моя мама дважды поворачивала меня на девяносто градусов, но я упрямо возвращался к прежней позиции.

Потом объявили двадцатиминутный антракт, и зал пришел в движение.

Мимо нас солидно прошагал Уточкин. Он хлопнул меня по плечу и воскликнул, обращаясь скорее к окружающим:

— Видали? Самодеятельность — великая сила! А вы что думали, я им зря контрабас подарил? Французской работы!

Дядя Степа, который всюду следовал по пятам за самодовольным комендантом, скромно молчал. Он лишь с гордостью крутанул правой рукой левый огненно-рыжий ус и незаметно подмигнул мне. Было видно, что и он невероятно горд, что его звери-кролики не подкачали.

А папа еще раз критически оглядел меня. Поправил пионерский галстук, воротничок рубашки, ремешок на брюках. А мама дала несколько советов:

— Очки не снимай — потеряешь. Носовой платок в правом кармане. И не забудь, пожалуйста, захватить с собой на сцену фагот.

Украдкой, как бы случайно, она погладила меня по щеке и наконец разрешила мне уйти. И я побежал в артистическую, где уже собрались все наши оркестранты.

Геннадий Максимилианович увел нас на большую площадку, которая находилась этажом выше артистической. Все время, пока шло второе отделение, Геннадий Максимилианович проверял строй оркестра. В напряженной тишине то и дело слышалось протяжное «ля-а-а» духового камертона: по нему настраивался каждый инструмент в отдельности.

Кто-то прибежал и крикнул:

— Оркестру приготовиться на выход!

Мы спустились вниз.

Геннадий Максимилианович проводил на сцену всех до единого и каждому сказал то, что следует. На меня он обратил особое внимание и посоветовал:

— Не сиди с отсутствующим видом, Федя, и не считай ворон. Вступай легко, мягко, непринужденно...

В углу артистической в красном старинном кресле молча сидел Трофим Трофимыч с чемоданчиком на кожаной тесемочке. Он успел уже поработать: натянул несколько оборвавшихся струн, заменил три сломавшихся колка у двух скрипок и виолончели, поставил новую трость на мундштук кларнета, исправил запавший клапан флейты.

И лишь когда Геннадий Максимилианович отправил на сцену последнего оркестранта, Трофим Трофимыч покинул свой угол. За ним ушел в зал и Геннадий Максимилианович.

Женька появился сразу, как только объявили программу выступления нашего оркестра. Ловко пробираясь по лабиринту пультов, он прошел к своему месту. Поднявшись на дирижерскую подставку, поклонился публике и повернулся лицом к оркестру.

Мы замерли. Сейчас оркестр был словно натянутая струна. Прикоснись — и она зазвучит. И Женька на самом

деле будто ударил дирижерской палочкой по невидимым струнам.

Мы сыграли симфонию с таким увлечением, как никогда. Слушатели аплодировали и кричали «браво!». Совсем как тогда, осенью, в Кремлевском театре. А скрипачи, виолончелисты и контрабасисты постукивали смычками по корпусу своих инструментов. Теперь я знал, что это означает — так оркестранты аплодируют своему дирижеру и благодарят публику за внимание.

А наш дирижер, убежав, долго не появлялся, хотя слушатели настойчиво требовали его выхода. Краем глаза я видел, как Лена Мухина и еще кто-то пытались вытолкнуть Женьку на сцену, а он вцепился руками в косяк двери — и ни в какую.

Наконец появился Геннадий Максимилианович, что-то сказал Женьке, и тот, под дружный взрыв аплодисментов, вышел на край сцены и поклонился.

Концерт был окончен, о чем со сцены объявил ведущий. Но его никто не услышал, потому что оркестранты уже покинули свои места и попрыгали прямо со сцены в зал. А слушатели устремились им навстречу и стали обнимать своих ненаглядных детей, словно не видели их вечность.

Когда мы были уже на улице — я, Женька, Васька, Костя, Петя, Лена, Сережка и, конечно, Гриша, — Женька сказал:

— Ребята, а завтра у меня день рождения, приходите все!

И тут я увидел в сторонке Кузю-барабанщика. Он смотрел на нас, но подойти не решался.

Я отозвал Женьку в сторонку:

— У меня к тебе огромная просьба — только ни о чем сейчас не расспрашивай. Я тебе все потом объясню, договорились?

— Валяй, обещаю.

— Пригласи Кузю.

— Да ты что?!

— Женька, ты же обещал!

— Ладно... Но ты все-таки, Федя, чокнутый!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь мы с мамой часто говорим о музыке. А еще чаще играем вместе.

Музыка для этой цели выбирается попроще и полегче, потому что мы еще не очень-то владеем инструментами.

Когда проходит первая репетиция нашего дуэта, папа удаляется на кухню и терпеливо сидит там, пока не смолкают звуки. Но зато потом, когда мы сыграемся, папа слушает нас и даже улыбается.

А однажды мама повела меня в Дом ученых. На концерт.

Мама оставила меня в зале и исчезла.

Потом я ее увидел в оркестре. Она помахала мне кларнетом и подмигнула.

Я знал, что у мамы очень короткая партия — не больше четырех строчек. Впрочем, об этом знал не только я, но и весь наш дом от первого до десятого этажа: мама очень старательно разучивала свою партию.

Я пересел поближе и еще раз убедился в том, что оркестр на самом деле состоит из ученых.

В том, что они ученые, я не сомневался. Особенно насчет одного из них. У него была огромная седая борода.

Бородач оказался концертмейстером оркестра — так называют самого первого скрипача, который сидит по левую руку дирижера.

У нас в оркестре место концертмейстера занимает Петя Люлькин.

Правда, оркестром Дома ученых руководил не какой-нибудь мальчишка, а солидный дядя. Он медленно пробирался к дирижерской подставке. Белая манишка, черный фрак и походка вперевалочку делали его похожим на пингвина.

Взобравшись на подставку, он повернулся лицом к оркестру. Манишка исчезла. И сходство с пингвином — тоже.

Мое внимание вновь переключилось на бороду. Я сидел и, вместо того чтобы слушать, все время следил за кон-

цертмейстером. «Интересно, — думал я, — куда он кладет бороду во время игры — на скрипку или под нее?»

Но сколько я ни смотрел, так все равно ничего толком не разглядел. Мне казалось, что смычок ходит не по струнам, а прямо по бороде. Но этого же не может быть!

Когда оркестр закончил свое выступление, я побежал разыскивать маму.

Я ей сказал:

— Мама, ты здорово играла, лучше всех!

И она чмокнула меня в щеку.

Тут к нам подошел бородатый концертмейстер и церемонно поцеловал мамину руку.

— Ну, как вам понравилось наше выступление? — спросил он. — По-моему, очень недурно, а?

— Очень и очень мило, — ответила мама.

— Мы играли корректно, музыкально и чрезвычайно эмоционально, как вы считаете?

— О да!

И меня удивило, что они радуются, как дети, и даже бессовестно нахваливают себя.

— Не правда ли? — продолжал ученый. — Особенно вот это место: «Ра-рай-ра-рай-ра-ра-ра-ра!»

— И вот это: «Ту-ра-ра-ра-ра-ту-ра-ра!» — откликнулась мама.

— Ай да мы! — рассмеялся бородач и вдруг обратился ко мне: — А вам, уважаемый, что больше всего понравилось? Какие мысли пробудил в вашей голове несравненный Петр Ильич Чайковский?

Я растерялся и помимо своей воли брякнул:

— А куда вы кладете бороду во время игры: на скрипку или под нее?

— Гм... Фм... — пробурчал ученый. — Ей-богу, не знаю!

А мама еще долгое время хохотала до слез и рассказывала папе, что бедный ученый с тех пор не знал, куда девать свою бороду.

Она ему мешала и на скрипке, и под ней. Он промучился около недели, а потом наконец рассердился и сбрил ее!

Ну, я больше не стану рассказывать ни про ученых, ни

про их бороды. Скажу только, что я твердо решил играть в их оркестре. А если из меня не получится ученый и я буду работать где-нибудь в другом месте, то и там можно собрать оркестр. Неужели мне не удастся подобрать подходящих ребят вроде маминых ученых?

А пока я бросаю писать.

Что будет со всеми нами? Трудно сказать. Может быть, некоторые из нас так любят музыку, что захотят стать музыкантами? Кто знает! А сейчас мы изо всех сил готовимся к контрольным урокам и переводным экзаменам. Ни о чем другом пока думать не приходится.

СОДЕРЖАНИЕ

Старайтесь не бить стекла!	3
Кузя-барабанщик	6
Объявление	10
Женька спасает ответственный концерт	16
Квартет и барабанные палочки	19
Встреча с генералом	22
Хотите играть в оркестре?	26
Сережкин дед и великий скрипач Паганини	31
Нужен инструмент на букву «Г»!	33
Мне покупают фагот	35
Уточкин контрабас	37
«А вы, друзья, как ни садитесь...»	39
Моя мама — парламентар	43
Чем окончился главный матч сезона	46
Мы переживаем...	49
Таинственный коридор и баба-яга	52
Хрустальный дом квинты	56
Гришина интермедия	59
После прослушивания	65
Фагот или кларнет?	68
«Так дышать — только небо коптить»	73
Есть идея!	75
Васькина виолончель	78
Я кос в чем разбираюсь...	82
Мы отправляемся на поиски	85
Письмо в надежном месте	87
Бойкот объявлен и отменен	89
«Орленок»	93
Предательство	98
Последний взнос	101
Музыкальный пирог	103
Первый Женькин урок	106
Смычок и два кружочка каннфоли	108
Трофим Трофимыч и корона в кружочке	110
Женькино пианино и тучка грозовая	114
Кто взял фальшивую ноту?	118
Решается Женькина судьба...	122
Отчетный концерт	127
Заключение	133

Абрамян Г. В.

A16 Кто взял фальшивую ноту? Повесть.— К.: Муз. Україна, 1987.— 136 с.

Повесть о ребятах, которые, сами того не подозревая, обнаружили удивительную сокровищницу. Они открыли для себя волшебный мир музыки.

480100000—029

A M208(04)—87 B3 36.20.86

84P7—44